

Рок-звезда

Автор:

[Биби Истон](#)

Рок-звезда

Биби Истон

44 главы о 4 мужчинах #3Passion. Секс и жизнь в горячих романах Биби Истон

Биби катастрофически не везет с парнями. Ее бывшие – ходячие неприятности, с которыми лучше лишней раз не пересекаться. И тут на вечеринке она встречает Ганса, бас-гитариста в молодой, но уже популярной группе. Кажется, что он полная противоположность ее прежним романам. Он посвящает ей песни, хочет вместе поступить в университет...

Но у жизни со звездой есть и обратная сторона. Биби снова ждут большие проблемы.

Черт побери, да когда же это закончится?

«Рок-звезда» – самостоятельный роман и часть цикла «44 главы о 4 мужчинах».

Биби Истон оставила работу психолога, чтобы написать цикл романов об отношениях, сексуальном поведении и его триггерах.

Дебютный роман Биби попал в «Top-100 Bestseller list» и получил награду «After Dark Book Lovers Shortie Award».

В основе сюжета – истории о четырех главных мужчинах в жизни Биби, от школы и до замужества.

«Читать книги Биби Истон – значит смеяться, плакать и давить хулиганскую улыбку на лице»

– Smut & Spirits

Биби Истон

Рок-звезда

B.B. Easton

Star

Copyright © 2018. Star by B.B. Easton

Published by arrangement with Bookcase Literary Agency and Andrew Nurnberg Literary Agency

© Бялко А., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

«Рок-звезда» – результат творческого вымысла, основанного на событиях из жизни героев, впервые появившихся в воспоминаниях Биби Истон «44 главы о 4 мужчинах». Общие обстоятельства и многие ситуации, отраженные в книге, совпадают с реальностью, а физические характеристики и имена всех героев,

кроме Биби, изменены, чтобы скрыть личность участников. Любое сходство с реально существующими людьми случайно.

Так как в тексте в больших количествах встречается сквернословие, насилие, подробное описание сексуальных сцен, использования наркотиков и преступности, эта книга не предназначена и вообще должна быть полностью спрятана ото всех, не достигших восемнадцати лет.

Эта книга посвящается парню, который относился ко мне, как к принцессе, и я больше никогда не превращалась в лягушку.

Спасибо, Ганс. Твоя любовь разбила злые чары.

Предисловие

Меня часто спрашивают, сколько в моих историях правды, а сколько – выдумки. На этот вопрос нелегко ответить, потому что я строю каждую сцену на основе каких-то реальных событий. Личности героев изменены, и я могу поменять ход времени или какие-то внешние детали, чтобы не нарушать общий ход истории, но основные сюжетные узлы почти всегда строятся на реальных событиях.

С учетом вышесказанного, какие-то книги получаются правдивее других. История, которую я собираюсь вам рассказать, самая правдивая из всех, написанных мною. Когда она выплеснулась из меня, я обнаружила, что наши отношения с Гансом были настолько романтическими, настолько фантастическими, настолько захватывающими, что просто не оставляли особого простора для фантазии и преувеличений. Это современная сказка, наполненная любовью с первого взгляда, шагающими замками, дальними странами, ведьмами и чудовищами. Только в моей сказке принцем был бас-гитарист, покрытый татуировками, а «долго и счастливо» оказалось совершенно непредсказуемым.

Так что приглашаю вас в мою реальную романтику рок-звезды. Наслаждайтесь!

Часть I

1

Июль 1999

Это был прекрасный момент; это было ужасное похмелье.

Я проснулась, не понимая, где я, с жуткой тошнотой, в комнате с сиреневыми обоями, облепленными отклеивающимися картинками Маленьких Пони. Сквозь задернутые шторы прорывались незванные лучи резкого полуденного солнца. Мою голую кожу царапали колючие простыни. Было душно. А мой рот казался пустой пивной бутылкой, которую использовали в качестве пепельницы.

Фу.

Я попыталась отыскать в своем затуманенном алкогольными парами мозгу какие-то следы, объясняющие это пробуждение в волшебной стране Лошадок. Передо мной начали беспорядочно всплывать отдельные смутные картины прошлого вечера. Как будто я перелистывала пачку полароидных фотографий – кадр за кадром. Подростки с черной помадой в черном виниле толкаются в темноте. Вечеринка. Дева-Гот, моя подружка по колледжу, висящая на хозяине дома – долговязой, похожей на Лорда Лакрицу клизме по имени Стивен. Бочонок пива на кухне. Группа, играющая в гостиной хеви-металл. Кажется, она называлась «Фантомное Что-то там». «Фантомная Конечность»? И там был еще этот парень. Высокий такой, с копной черных волос и руками в тату из фильма ужасов.

Единственный без помады и кожзама.

Басист.

Когда я вспомнила, что он сказал мне после того, как я врезалась в него возле бочонка, мое сердце на секунду замерло.

– Привет, котенок. Куда направляешься?

И когда этот огромный, жуткого вида засранец улыбнулся мне, показалось, словно кто-то включил над сценой лампочку. Его мрачные черты засияли. Глаза зажглись неизъяснимым светом, а на щеках сквозь всю суровость пробились прелестные ямочки. И он смотрел на меня так, как будто все это время искал меня.

Прежде чем я успела договорить свои извинения, басист, хохотнув, засунул меня к себе под мышку. Щелк. Я поместилась туда, как кусочек пазла. Затем он притащил меня в гостиную и плюхнул к себе на колени. Так мы и провели остаток вечера. Два счастливых рокера, затерявшиеся посреди моря готов.

– Так как же тебя зовут, Звоночек?

И пока этот дьявол с ямочкой на щеке улыбался мне, я осознала, что он, как бы невзначай, медленно рисует у меня на бедре кружки своим большим пальцем.

Я хрипло выдавила: «Биби?»

Потом откашлялась и сделала новую попытку, заставив себя встретиться со взглядом его серо-стальных глаз. «Привет. Меня зовут Биби».

– Ну, Бибика, и почему же ты наливаешь себе сама?

Опустив глаза, я улыбнулась и поглядела на него из-под ресниц, безуспешно стараясь скрыть предательский румянец.

– Ну, так вышло, что было некому...

– Я, – перебил он меня с небрежной усмешкой. – Мне почему-то кажется, что теперь, Бибика, я буду приносить все твои напитки.

Я фыркнула, стараясь казаться крутой, и сказала:

– Да я даже не знаю, кто ты такой.

И Мистер Высокий Брюнет в Татуировках улыбнулся мне. Блеснули белые зубы. На щеках появились ямочки. Мое сердце забилося с дикой силой, а ладони вспотели.

– Я – Ганс, – мило сказал он, ничуть не задаваясь. – Я басист.

Ганс весь вечер не отводил от меня ни рук, ни глаз – и не то чтобы я была против. Он касался меня, смотрел на меня, говорил со мной совсем не так, как парень, которому надо залезть мне в штаны, а как парень, который уже там побывал... и познакомился с моими родителями.

Я взглянула в глаза Клеверочку, лиловому пони с облезлой розовой гривой, и подумала: «Так вот что чувствовала Золушка на следующее утро после бала. Только у меня даже хрустальной туфельки в доказательство не осталось. И у Золушки наверняка не было такого похмелья».

Клеверочек смотрел на меня печальными глазами с поволокой. Мне так хотелось, чтоб он мог оторваться от стенки целиком и сходить за чертовым аспирином. У меня раскальвалась голова.

Застонав, я подтянула повыше синтетическое одеяло, покрытое пони, и повернулась на бок.

На чье-то тело.

Завизжав, я шарахнулась назад, сообразив с опозданием на секунду, что если на односпальной кровати лежат двое, то шарахаться некуда. Почувствовав, что падаю с кровати, я вцепилась в первое же, что попало мне под руку.

Это была рука. И она была покрыта кошмарными картинками. Восставший из Ада, и Джейсон, и Фредди оскалились на меня, когда я вцепилась в них, стараясь спастись от падения.

Рука сжалась и дернулась от меня, но я вцепилась в нее намертво. Ее движение втянуло меня обратно на кровать, и я с чпоканьем впечаталась мордой в голую грудь своего неожиданного соседа.

Под моей щекой раздался низкий, но веселый мальчишеский смех.

- Ты напугала меня до усрачки, - хохотнуло чудовище, обхватывая меня за плечи татуированной рукой и притягивая поближе. Этот жест и тепло, идущее от тела, превратили мое нутро в желе.

- Да это ты напугал меня до усрачки, - захихикала я, хлопая Ганса по груди. Мне хотелось подняться и поглядеть на него, чтобы убедиться, что он настоящий, и задать ему миллион вопросов о том, что было прошлой ночью. Но я не могла. Пока.

Сперва мне надо было остаться у него в руках.

Практически мурлыча, я прижалась к нему и обхватила его голое тело правой рукой. Прошло почти три месяца с тех, как я касалась пальцами мужского тела, как ощущала под щекой чью-то вздымающуюся грудь. Я не оставалась столько времени без парня, с которым можно обниматься, с тех пор... со средней школы? С начальной?

Сколько я себя помнила, у меня всегда был бойфренд. Мальчики обеспечивали меня двумя моими любимыми вещами: вниманием и обожанием. Дома я просто купалась в них, поскольку была единственным ребенком двух любящих хиппи. Но вне дома я добирала это от парней.

Парни, парни, парни.

Конечно, как и с любым наркотиком, цена все время росла. Сперва я расплачивалась за ласку поцелуями и взглядами под юбку. Потом мое тело стало отличной валютой, но мои дилеры были готовы принимать кровь и слезы.

Пришло время, и я начала предлагать им куски собственного сердца, обернутые в обрывки моей души. Все что угодно, лишь бы получать любовь и обожание.

А в мае я заплатила тремя сломанными ребрами и пробитым легким.

Но я не сдавалась.

Вдохнув, я втянула в себя этот мужской запах – сигаретного дыма и пота. Запах рок-н-ролла.

Мозолистые пальцы бас-гитариста скользнули по моей голой руке, вызывая мурашки. Мой лоб царапнула утренняя щетина взрослого мужика. А ровный стук сердца у меня под щекой казался почему-то давно знакомым.

Похмелье-шмохмелье.

Я парила по кайфу, как воздушный змей.

Я улыбнулась – мои глаза скользнули по холмам и долинам мужских мускулов, которые выступали из-под одеяла. Я не могла поверить, что это был тот же человек, который напугал меня вчера вечером. Может, он и выглядел, как два метра татуированного, пирсингованного хеви-металл-ужаса, но он был на все сто процентов обнимательным зайчиком.

Вздыхнув, я наконец заставила себя сесть. Великан смотрел на меня мягкими, джинсового цвета глазами из-под таких густых и темных ресниц, что они казались подведенными, и мое сердце засбоило. Эти глаза, этот рот – узкий и поджатый, как будто на грани ухмылки или поцелуя – выдавали, что он совсем не так суров. Особенно при свете дня.

Ганс был страшно милым.

«Ганс».

Надо перед уходом запомнить его фамилию... И телефон... и несколько его детишек.

«Детишек... Блин. А мы...»

Оглядевшись, я произвела в уме быструю оценку.

«Одежда?»

«На нас».

«Воспоминания о траханье в ночи?»

«Нету».

«Саднящее жжение внутри?»

«Нет, ничегошеньки».

«Черт».

– А что ты тут делаешь? – спросила я, улыбаясь еще шире и стараясь не думать о том, на какое похмельное чудовище я похожа.

– Я спал... пока кто-то не вцепился в мою руку чертовыми когтями, – Ганс поглядел на свой бицепс. – Прямо странно, что я не истек кровью.

– Знаешь, для парня с Фредди Крюгером на плече ты больно уж нежный, – рассмеялась я.

– Я и подумал, что на меня напал сам Фредди Крюгер, – подколот меня Ганс, переворачиваясь на бок и подпирая голову рукой. – Знаешь, он дожидается, пока ты заснешь.

Нижняя часть Ганса была прикрыта самым девчачьим на свете одеялом, но верхняя...

«Просто слюнки текут».

Пока я пыталась перевести взгляд на его лицо, что-то привлекло мое внимание.

– Что это? – спросила я, касаясь его татуированной руки.

Ганс протянул мне свою левую руку, глядя на нее с тем же любопытством, что и я. Там, на внутренней стороне предплечья, синими чернилами были написаны ряды слов.

Мы оба молча прочитали их.

Вижу я, как сквозь небо они летят,

Эти звезды, сверкая, бросая ночь,

Знаю я, как сияют они и горят,

Потому что одна не исчезла прочь,

Оказавшись рядом с моим плечом,

На постели моей.

Ганс поглядел на меня с дурацкой улыбкой и пожал плечами.

– Наверное, я записал это, когда ты отрубилась ночью.

«Наверное, я записал это, когда ты отрубилась ночью».

«Наверное, я записал это, когда ты отрубилась ночью».

«То есть Ганс Как-там-его-фамилия написал обо мне чертову песню? У нас любовь? Нам сделать одинаковые тату прямо сейчас или уже после свадьбы?»

«Черт. Он на тебя смотрит. Биби, скажи что-нибудь. А то твоему будущему мужу неловко».

– Так это твоя кровать?

«Очаровательно. Совсем никакой неловкости».

- Ну, я отрубаясь тут по выходным, так что...

Я обвела спальню взглядом и одобрительно кивнула.

- Мне нравится, как ты украсил комнату.

Ганс рассмеялся и сел в постели, опираясь спиной на светлое деревянное изголовье. Даже когда он сидел, его ноги доходили до самого конца кровати. Я и представить не могла, как он умудрился проспать тут всю ночь, да еще со мной по соседству.

Ганс сложил на груди свои расписные руки.

- Эй, ты не суди. Пони тоже человеки.

Захихикав, я округлила глаза.

- Ага. Если ты такой любитель пони, назови хоть одного из Маленьких Пони.

Ганс оглядел комнату и подмигнул мне.

- Яйцекрыл.

Я, не выдержав, прыснула.

- Искросер.

Я засмеялась громче.

- Светлочлен.

- У них нет яиц и членов, - подавилась я. - Они все девочки.

Ганс усмехнулся, глядя, как я утираю глаза подолом своего топики.

- Ну ладно. Ты выиграла, - сказал он. - Это не моя кровать.

- А чья же? - икнула я.

- Дочки Стивена. Она ночует тут несколько раз в месяц, а когда ее нет, Стивен с Викторией пускают сюда гостей.

Я смутно припомнила, как после очередного - и уже лишнего - красного пластикового стаканчика, который Ганс налил для меня, я спросила Деву-Гота, смогу ли я остаться тут переночевать. Она отволокла мою пьяную задницу по коридору в какое-то место, которое назвала «Комната Мэдди». Наверняка Мэдди и была четырехлетней любительницей пони. Тайна раскрыта.

- А как давно ты дружишь со Стивеном?

«И, что важнее, зачем? Он же такой противный слизняк. Вообще не понимаю, что Дева-Гот в нем нашла».

- Я вообще-то дружу с Викторией. Мы вместе учились в Старшей Центральной, пока она в том году не перевелась в Западную Атланту.

«Черт. А я и не знала, что у Девы-Гота, кроме нас, есть друзья. Да еще такие крутые. Эта сучка прятала их от меня».

- Господи. Ты учился в Центральной? И тебя не прирезали? Это ж надо. Ты же знаешь, что про нее говорят. Что ее не заканчивают...

- Из нее выпускают на поруки, - Ганс приподнял бровь.

- Ага, - улыбнулась я. - Так когда выпустили тебя? - и тут же пожалела о своем вопросе.

У Ганса была утренняя щетина, татуированные руки и прекрасное тело взрослого мужика. Он ну никак не мог быть одноклассником Девы-Гота. Она была моей ровесницей, а этому парню было хорошо за двадцать. Что, если у него

проблемы с обучением, и он, допустим, просидел в школе несколько лишних лет...

- В мае.

- Как, в этом мае? - переспросила я, подняв голос на октаву выше, чем нужно.

Ганс, улыбнувшись, окинул меня подозрительным взглядом.

- Ну да-а-а-а... А что?

- Прости! - всплеснула я руками. - Я просто думала, что тебе, типа... лет тридцать пять.

- А, ну да, мне часто так говорят, - рассмеялся Ганс.

- А сколько же тебе лет?

- Восемнадцать, - Ганс помотал головой. - Нет, погоди. Девятнадцать. Мой день рождения был в прошлом месяце, и я еще не привык, - он пожал плечами и так улыбнулся, что мне захотелось ущипнуть его за колючую щеку в щетине.

- Я тоже закончила в мае, и у меня день рождения в июне! - заверещала я. - Скажи, как прикольно! Но мне только семнадцать. Я закончила досрочно.

- Блин! - Ганс выпрямился и щелкнул пальцами. - Ты, должно быть, та девчонка, про которую говорила Виктория. Она сказала, одна ее подружка в Западной Атлантике попала перед экзаменами в жуткую аварию, но все равно закончила досрочно и с отличием, - Ганс внимательно оглядел мое взъерошенное тело. Я догадалась, что он ищет шрамы, но от его взгляда у меня в животе запорхала стая бабочек. - Но теперь ты в порядке?

Я задумалась. В порядке ли я? Физически - мои ребра срослись. Эмоционально - я примирилась с тем, что Харли - мой козел-приятель, который был за рулем - оказался куском дерьма, и я не любила его всерьез. А психологически я наконец осознала, что Рыцарю, которого я как раз любила, в армии было лучше, чем тут, где он дрался в барах и скинул меня и Харли с дороги. Так что...

– Ага, – сказала я с улыбкой, – в порядке.

Но Ганс не улыбнулся в ответ.

– А что с тем парнем, с которым ты была?

Харли. Этот засранец. Я вспомнила щенячий взгляд, которым он смотрел на меня, когда полицейские выводили его из больницы с руками, скованными спереди из-за гипса на левой. Как выяснилось, этот козел был освобожден условно, отсидев за кражу машин, так что, когда его застали на месте происшествия с багажником, полным нелегального оружия, упаковкой наркоты и несовершеннолетней, которую он увез под дулом пистолета, все это вошло с законом в некоторые противоречия.

Фыркнув, я закатила глаза.

– Ничего, выживет.

Ганс уставился на меня с непроницаемым выражением лица. Это продолжалось всего секунду или две, но я тут же вспомнила, почему вчера он так испугал меня. Когда Ганс не улыбался, он выглядел довольно жутко. Тяжелые темные брови, в одной из которых было вдето серебряное кольцо, затеняли его штормовые глаза. Всклоченные черные волосы торчали во все стороны. А когда Ганс сжимал и без того узкий рот, его твердая упрямая челюсть выступала вперед. У некоторых женщин бывает лицо Стервы на отдыхе. Вот у Ганса было лицо Бандита на отдыхе.

А потом оно исчезло.

Улыбка вернулась, осветив его черты, и он просто сказал:

– Хорошо.

С этими словами Ганс откинул сиреневое одеяло с пони и поднялся с кровати. Повернувшись, он оказался рядом со мной, и я увидела все его тело как на картинке. На нем не было ничего, кроме черных боксеров в мелкие желтые бананы.

Я уставилась на него. Я ничего не могла с собой поделаться. Тут было на что посмотреть. Это тело было длинным, стройным, изящным произведением искусства. Буквально. Одна рука была покрыта черно-серыми татуировками, на другой были рукописные стихи про падающие звезды, которые врываются в твою постель.

Это все было уже слишком. Я заставила себя отвести взгляд от бананов и посмотреть Гансу в глаза.

К счастью, он, кажется, не подозревал о произведенном на меня впечатлении. Он просто мотнул своей спутанной копной волос в сторону двери и сказал:

- Не хочешь пойти позавтракать? Я умираю с голоду.

Я не особо была по еде – анорексия и все такое, – но почему-то обнаружила в себе внезапную тягу к бананам.

- Конечно, – прочиркала я, – только дай мне десять минут.

2

Я судорожно пыталась восстановить форму своей новой высветленной стрижки и накраситься тем, что сумела найти у себя в сумке. Телесная помада, черная жидкая подводка, консилер и румяна – всего этого хватило, чтобы превратить меня из трупа в морге в труп, достойный похорон в открытом гробу. Но мне было очень трудно сосредоточиться из-за трусов Ганса, валяющихся возле меня на полу, и пара из душа, который затуманивал зеркало.

Почему-то, когда я сказала «только дай мне десять минут», Ганс решил, пока я собираюсь, принять десятиминутный душ в той же самой чертовой ванной.

Я изо всех сил пыталась вести себя как ни в чем не бывало и поддерживать светскую беседу, но это было непросто. Вода шумела, а мои мысли так и визжали: «Ганс там голый! Ганс там голый! Ганс там голый! Черт возьми!»

Он сказал мне, что его фамилия Оппенгеймер – по крайней мере, я так поняла из нашей беседы, – и сказал, что его родители приехали в США из Германии еще до его рождения. У него две старшие сестры, которые вышли замуж и жили отдельно, и...

Он еще что-то говорил, но, узнав его фамилию, я была слишком занята тем, что пыталась решить, буду ли я Биби Оппенгеймер или Брук Оппенгеймер. Ни один вариант не был особо хорош, но иногда любовь требует жертв. Глядя в запотевшее зеркало, я представляла свою новую подпись, написанную пальцем на стекле. В конце концов я выбрала ББ Оппенгеймер. Если выбрать Брук Оппенгеймер, то мои инициалы станут Б. О.

Хихикнув про себя, я взглянула на черную занавеску, отделявшую меня от очень голого и очень мокрого мистера Оппенгеймера. Мои смешки превратились в полноценный утробный хохот, когда я заметила мускулистую руку до локтя, все еще покрытую синими чернилами, свисающую поверх карниза душевой занавески.

Подойдя поближе, я протянула руку и ущипнула Ганса за кончик длинного среднего пальца, на ногте которого еще виднелись следы черного, давно стершегося лака.

– Что это? – съехидничала я, покачав его руку из стороны в сторону. – Ты такой длинный, что не умецаешься под душем целиком?

Ганс хрюкнул.

– Не-а, я просто не хотел, чтобы стихи смылись до того, как я запишу их нормально.

«Боже. Ну можно ли быть еще милее? Когда, когда уже я стану миссис Б.О.?»

Радуюсь, что Гансу не видна идиотская девчачья улыбка на моем лице, я прочирикала:

– Я пойду, запишу их для тебя.

– Круто. Спасибо, Звоночек. А то у меня уже рука затекла.

Переплетя пальцы с моими, Ганс игриво потряс меня за руку, так же, как я его за палец. От этого у меня захватило дыхание, а в груди замер радостный писк. Я держалась за руки с прекрасным голым мужчиной, который написал обо мне часть песни прямо на своей коже, а потом всю ночь спал рядом со мной на узкой одиночной кровати.

– А ты все слова запомнила?

– Ага, – ответила я, открывая дверь ванной навстречу потоку сухого, прохладного воздуха из коридора.

«Да они выбиты в моем чертовом мозгу».

Я выскочила из ванной в поисках бумаги и чего-нибудь пишущего. Я была уверена, что буду помнить эти стихи даже на смертном одре, но все же не хотела утратить хотя бы одну букву, написанную им.

Завернув за угол коридора, я оказалась в кухне, где обнаружила Деву-Гота, облокотившуюся на кухонный прилавок и прижимающую к лицу кофейную кружку. На ней была только длинная майка с Мэрлином Мэнсоном, а ее черные волосы были взлохмачены так, что напоминали парик злобной феи Бастинды.

– Виктория! – воскликнула я, суетливо озираясь. – Где можно найти листок бумажки?

Дева-Гот безо всякого интереса поглядела на меня поверх кружки, протянула руку влево и выдвинула какой-то ящик.

– Отлично! Спасибо! – я начала рыться в нем, пока не отыскала блокнот и ручку. Не обращая внимания на Деву-Гота, я записала слова своей любимой песни, вырвала лист из блокнота и засунула в задний карман джинсов.

– А что... ты такое делаешь? – промолвила Дева-Гот, когда я пошвыряла все в ящик и задвинула его обратно.

Развернувшись к ней лицом, я просияла.

– Знаешь... Я думаю, Ганс вчера написал обо мне песню! Ну или часть песни. Ну, в смысле она, может быть, не прямо про меня, но как бы про меня тоже. И он попросил меня ее записать, прежде чем она смоется у него с руки. Он сейчас пошел в душ. А я говорила, что мы вчера спали в одной постели? И он даже до меня не дотронулся! Ну, в смысле, я не думаю, что...

– Биби, у него есть подружка.

Хлоп, хлоп.

– Ее зовут Бет. Они уже четыре года вместе.

Бомбы продолжали падать.

Бум! Бах! Тарарах!

– А тогда почему он вчера посадил меня на колени? Почему спал со мной в одной кровати? Мы обнимались, – я выговорила это слово так, как будто только что обнаружила, что у него была бубонная чума. После того как Харли обманывал и изменял, сама мысль о том, что у Ганса была подружка, показалась мне отвратительной. Я была разочарована. Черт, это было ужасно грустно.

Дева-Гот пожала плечами.

– Почем я знаю. Он обожает флиртовать по пьянке. И всегда спит в кровати Мэдди, так что, может, он просто был в отключке и не заметил, что там кто-то еще, – сделав еще глоток из своей дымящейся кружки, она поглядела на меня мрачным похмельным взглядом. Он казался предупреждением.

Подняв руки, как бы защищаясь, я отступила.

– Я же не знала. Клянусь. Да ничего и не было...

В этот момент в кухню из коридора явился Ганс. Он выглядел как двухметровый, начисто отмытый бог секса. На нем были черные кеды, свободные черные штаны

в тонкую полоску, ремень с заклепками и черная майка-алкоголичка. На руке без тату были часы на широком кожаном ремешке, а лохматые черные волосы он просто вытер полотенцем. Мне до смерти хотелось запустить в них руки.

Я поглядела на Деву-Гота, молча умоляя о благословении, но получила в ответ только гадкое лицо Отдыхающей Стервы.

Ганс улыбнулся мне, тут же превратившись из опасного во что-то теплое и неугрожающее, после чего с той же улыбкой повернулся к Деве-Готу.

- Привет, Вик, мы думали выйти позавтракать. Хочешь с нами?

Она уставилась на него, словно пытаюсь передать что-то телепатически, но, прежде чем она успела ответить, из коридора с другой стороны кухни раздался хриплый женский голос. Он шел из основной спальни дома.

- Вот ты где, - пропел голос. - А мы тебя искали. Пошли в койку.

Обернувшись, я увидела блондинку, которая вчера выпендривалась возле пивного бочонка. Она появилась из темноты, обернутая в простыню. Ее косметика вся размазалась, а когда-то торчащие косички расплелись и обвисли. Так же как и веки, которые она еле подняла на Деву-Гота.

Косички прошуршала мимо нас, не обращая внимания на гиганта, стоящего посреди кухни, и направилась прямо к Виктории, поцеловав ее с явно большим участием языка, чем казалось мне уместным с утра пораньше. Косички взяла у нее из рук кружку, поставила ее на стол и увела Викторию в спальню, не сказав нам даже «доброе утро».

Мои брови были почти на потолке. Я обернулась и посмотрела на Ганса.

- Что это за херня? - спросила я, указывая через плечо большим пальцем.

Хохотнув, Ганс подошел ко мне. Взяв кружку Девы-Гота, он повернулся и присел на прилавок рядом со мной. Наши локти соприкоснулись, и моя рука тут же покрылась мурашками.

Допив кофе Девы-Гота одним глотком, Ганс помотал головой.

- Вот смотри. Они со Стивеном сейчас устроят большую ссору. Они все время так делают.

- Что делают?

Повернувшись, Ганс налил себе еще кофе из кофейника, стоящего тут же на прилавке. Мне стало грустно, что мы больше не касаемся друг друга руками, и еще грустнее от того, что где-то там была крыса по имени Бет, которая могла трогать Ганса, когда захочется.

- Они постоянно экспериментируют и ищут себе девушек для трио. А потом, на следующее утро, протрезвев, Виктория начинает ревновать.

- Блин, - я недоверчиво помотала головой. - А почему я ничего об этом не знала?

Подумав об этом, я поняла, что все три месяца, которые Виктория встречалась со Стивом, я фактически была наказана - благодаря тому, что из-за Харли все время нарушала отбой или приходила в себя после аварии. Интересно, что еще прошло мимо меня.

- Она казалась здорово расстроенной, - призналась я.

В чем я не призналась, так это в том, что часть ее огорчения была направлена на нас с Гансом. А еще я не призналась в том, что она рассказала мне про его подружку. Я как будто хотела посмотреть, насколько далеко он зайдет, прежде чем я выведу его на чистую воду. Да, именно так. Я подожду, пока он перейдет грань. А потом - БАМ! - подам сигнал, и Бет и Дева-Гот выскочат из-за дерева и поймают его на горячем. Вот только поэтому я не сказала про его подружку. А не потому, что хотела сделать вид, будто ее не существует, и продолжить свой флирт. Не-а. Вообще нет. У меня была важная задача по разоблачению неверного бойфренда.

Когда мы с Гансом вышли из дома, на тихой, скромной, пригородной улице Стива стояло только две машины – мой черный «мустанг» 93-го года и черный «БМВ-3» на другой стороне дороги.

– Это твоя машина? – спросила я, указывая на «бумер» и стараясь скрыть потрясение в голосе. Я была фанаткой скоростных машин до мозга костей, но должна была признать, что в этой маленькой импортной штучке что-то было.

– Ага. Родители купили новую, а мне отдали эту. Но это механика, так что я ни хрена не умею ее водить, – пожал плечами Ганс, спускаясь со ступенек.

– Я могу тебя научить! – выпалила я.

Ганс покосился на меня.

– Правда! – я с энтузиазмом ткнула пальцем в сторону маленького «мустанга», который мог все. – Моя машина тоже механика! А я даже выигрывала на ней гонки на треке недалеко отсюда! Господи, да мы же можем тренироваться там. Это отличное место!

Едва эти слова вылетели из моего рта, я ощутила укол вины. После того что Харли сделал со мной, я ничем не была ему обязана, но почему-то сама мысль, что я приведу другого парня в наше особенное место, казалась какой-то неправильной.

«К черту, – включилась моя внутренняя стерва. – Харли возил тебя туда, чтобы научить гонять на его треке, чтобы ты могла выигрывать ему деньги. Вы не только должны туда поехать, вы должны насрать на линию финиша перед тем, как уйти оттуда».

И в чем-то эта стерва была права.

Ганс улыбнулся на мой эмоциональный всплеск и вытащил из кармана ключи.

– Да я умею водить механику. Я просто плохо это делаю. Я для этого слишком рассеянный, – нажав на кнопку замка, Ганс протянул мне ключи и направился к пассажирской двери собственной машины.

«Он что, дает мне вести?!»

– Ты хочешь, чтобы я вела?

– Только если ты хочешь выжить, – криво усмехнулся Ганс. После чего открыл дверь и нырнул в машину.

Я открыла водительскую дверь. Внутри машина вся сияла черной кожей и коричневым ореховым деревом, но пол был усыпан пустыми сигаретными пачками и пивными бутылками. Я улыбнулась про себя. Мне нравилось, как спокойно Ганс относился ко всей этой ерунде. Он не извинялся за мусор в машине, потому что его это не волновало. Он не боялся за свое мужество, пользуясь лаком для ногтей или разрешая девчонке вести свою машину, может быть, потому что был два метра ростом, и к одиннадцати утра у него отрастала пятичасовая щетина.

«И ему плевать, что у него есть подружка», – включилось мое чувство вины.

«Иди к черту, вина. Тебя забыли спросить».

Я же, в отличие от Ганса, была полна предрассудков, включая дикий страх спросить его, куда он хочет поехать завтракать. И Рыцарь, и Харли, оба водили меня на первое свидание в Дом Вафель, и я с трудом пережила эти отношения. Если Ганс скажет, что хочет поехать в проклятый Дом Вафель, я лучше поеду и сброшусь с ближайшего моста, чтобы избежать лишних драм.

– Тебе нормально в «Макдоналдс»? – спросила я, когда моя затянута в черный кожзам задница опустилась на черную кожу водительского сиденья. Мои ноги вообще не дотягивались до педалей.

– Да, блин, отличное место, – ответил Ганс, пока я озиралась, ища кнопку подстройки сиденья. – Когда там заказываешь кофе, они сразу приносят целый чертов кофейник.

– Я вообще не знаю, как вы пьете эту гадость, – поддразнила я. Мне наконец удалось нащупать нужную кнопку. Не успев нажать ее, я услышала знакомый шуршащий звук с Гансовой стороны машины.

Я обернулась и фыркнула. Колени Ганса были практически расплющены между грудью и крышкой бардачка, а его сиденье медленно отъезжало назад. Хихикнув, я нажала свою кнопку. Мое сиденье с той же скоростью, что Гансово назад, поехало вперед, и где-то посередине мы встретились смеющимися взглядами.

Я никогда раньше не водила немецких люксовых машин, но, едва выехав из квартала, уже не была уверена, что захочу водить что-то другое. Ганс внимательно наблюдал со своего пассажирского места, как я ахала про ускорение, верещала про послушность руля и восхищалась гладкостью хода. Мне не хватало оглушающего рева мотора, который есть в мощных американских машинах, но я могла это пережить.

Когда я выехала на шоссе, ведущее в город, Ганс наполовину опустил свое окно и закурил. Протянув мне открытую пачку, он спросил:

– Хочешь?

– О да, – сказала я, беря у него бело-зеленую пачку «нюпорта». Я закурила на следующем светофоре. Прохладный мятный привкус в горле удивил меня. Я не курила ничего с ментолом с тех пор, как мы с Джульет, моей лучшей подружкой, в детстве таскали окурки из пепельницы ее мамы.

Это был вкус глупой детской забавы.

– А можно открыть верх? – спросила я, тыкая пальцем в кнопку над зеркалом заднего вида.

Как только Ганс кивнул, я настезь раскрыла эту штуку, и яркое июльское солнце заполнило машину и обожгло мне лицо. Откинув голову, я вдохнула жаркий влажный воздух. После почти трех месяцев почти полной изоляции ехать в шикарной машине с «нюпортом» в руке, с роскошной татуированной машиной для обнимашек на пассажирском сиденье и лицом, залитым солнцем, казалось мне просто раем.

Но мое счастье быстро разбилось. Когда зажегся зеленый свет и я нажала на газ, ветер из открытой крыши начисто сорвал столбик пепла с моей сигареты и,

закружив, отправил его куда-то в салон.

- Черт! - выругалась я, глядя на серые хлопья в воздухе - как будто это могло помочь, как будто я могла лопнуть их, как мыльные пузыри.

Я ждала, что Ганс заорет на меня, ведь я засыпала пеплом драгоценную импортную кожу, но он не стал орать. Он сделал последнее, что я от него ожидала. Ганс Оппенгеймер открыл пассажирское окно до конца, поднял свою сигарету и посмотрел, как его пепел тоже улетает, мелькая между нами в лучах солнца, словно горсть серебряных блесток.

- Ты видела? - спросил Ганс, вытаращив глаза, когда пепел весь улетел.

- Ага, - ответила я. Это прозвучало на выдохе, как будто я только что увидела какое-то сверхъестественное явление. - Это было, как...

- Как снежный шар, - сказали мы с Гансом хором.

- Да! - закричала я. - Господи! Точно! Мы только что сделали самый дорогой в мире снежный шар!

Ганс захихикал и снова поднял свое окно до половины.

- Я позвоню в «Книгу рекордов Гиннеса» и расскажу об этом. Может, мы сможем попасть в «Вечернее шоу».

- Отличный план. И, может, «Фантомная Конечность» будет музыкальным гостем.

Ганс очаровательно улыбнулся и открыл рот, чтобы ответить, но механическая мелодия прервала ход его мыслей. Сунув руку в карман, он вытащил маленький черный телефон. Я тут же нажала кнопку на двери, чтобы поднять все окна, а Ганс нажал ту, что закрывала крышу.

- Да, чего, мужик? - улыбнулся Ганс, здороваясь с позвонившим. - Че, серьезно? Прямо сейчас? Со мной тут Биби, - Ганс взглянул на меня, слабо улыбнувшись. - Ага, девушка с прошлого вечера. Нет. Иди на хер, - Ганс снова взглянул на меня,

и улыбка превратилась в широкую ухмылку. – Точно, мужик. Мы сейчас будем. Спасибо!

Повесив трубку, Ганс развернулся ко мне всем телом. Я прямо чувствовала идущее от него радостное возбуждение.

– Планы переменялись. Мы едем в центр города.

4

Мои черные штаны из кожзама, черные бойцовские ботинки и короткий черный топик казались до смешного нелепыми, когда мы с Гансом вышли на то, что раньше было футбольным полем «Фалькон». Вместо безупречного зеленого покрытия с белой разметкой вся арена была похоронена под кучами грязи и уставлена машинами самого разного вида. По краям стадиона стояло с десяток жутких грузовиков, а в центре была группа грязевых мотоциклов, владельцы которых, удобно расположившись вокруг, раздавали автографы.

Ганс, оглядевшись, поднес руки ко рту и заорал: «Люцифер!!!»

Тощий парень в майке ПЕРСОНАЛ, стоящий у загороженного входа с другой стороны, отозвался: «Бу-у-у!» – и указал на нас жестом, которым рок-звезда указывает на толпу.

Пока он приближался, я с удивлением поглядела на Ганса: «Люцифер?»

Ганс улыбнулся.

– Это наш барабанщик. Его вообще-то зовут Луис, но он полный псих, так что мы называем его Люцифер.

Воскрешая в памяти прошлую ночь, я вспомнила, что еще тогда подумала, что барабанщик доведет себя до припадка, так он бился и корчился. Он напоминал персонажа театра марионеток, играющего на барабанах.

– А еще он работает на другом стадионе, «Омни», так что вечно влипает во всякое дерьмо.

– Как дела, ГДЧ? – с ухмылкой спросил Луис, когда они с Гансом исполнили весь положенный парням ритуал пожимания рук, объятий и похлопываний по спине.

ГДЧ?

– Лу, это Биби, – указал Ганс на меня. – Биби, это Люцифер.

– Суп? – Луис слегка кивнул мне, искривляя губы в призрачной удивленной улыбке.

Мне хотелось крикнуть: «Не смей на меня так смотреть! Клянусь, ничего не было!» – но вместо этого я пробормотала что-то насчет того, что рада познакомиться и как мне понравилось вчерашнее выступление.

Луис провел нас по стадиону, знакомя с водителями грузовых чудищ и грязных мотоциклов. Все были страшно дружелюбными, хотя я и понятия не имела, кто они такие. Мне сказали, что Копальщик Могил, черно-зелено-лиловая адова машина, стала звездой шоу, и я попросила водителя расписаться у меня на руке.

Я бы попросила сделать это и на сиськах, но, увы, у меня их не было.

Грузовики вблизи оказались раз в пятьдесят больше, чем выглядели по телевизору. Я вытащила из сумки маленький фотоаппарат-мыльницу, который родители подарили мне на день рождения, и попросила Ганса щелкнуть меня, стоящую в колесе одного из них. Одна только его шина была метра три в высоту. Ганс сделал фотку, передал камеру Луису, что-то шепнул ему и подошел, чтобы помочь мне слезть. Ну или я думала, что он хочет это сделать. Но вместо этого он уселся на колесо ко мне спиной.

А потом похлопал себя по плечам и сказал: «Залезай».

Моим первым позывом было остановиться и спросить зачем, но, только глянув в эти глаза цвета джинсов, я, не задавая никаких вопросов, начала карабкаться на него.

Ганс подставил мне руки, чтобы держаться, пока я залезаю к нему на шею. Я забралась, стараясь не запачкать ему одежду своими ботинками. Когда Ганс поднялся, у меня закружилась голова. Я намертво вцепилась в его руки, шатаюсь и от высоты, и от зрелища его черной гривы у себя между ног. Мне казалось, что я где-то в километре над землей и что воздух тут наверняка уже разрежен, и в нем слишком мало кислорода, но, когда я оглянулась, колесо грузовика все еще было выше моей головы.

- Улыбочку, поганцы, - крикнул Луис.

Я потянулась и ухватилась за край колеса над головой, а Ганс стиснул мои тощие бедра своими ручищами. Время замерло. С застывшей фальшивой улыбкой и замершим дыханием я прислушивалась к каждой детали прикосновения его рук. Как твердо. Как нежно. Как высоко на моих ногах.

Очень высоко, на фиг.

Но когда кончики его пальцев начали описывать медленные круги на разделяющей нас блестящей черной ткани, у меня захватило дух и мой рот приоткрылся в безмолвном вздохе, который, к счастью, Ганс не мог увидеть.

Но его заметил Луис. И не упустил возможность нажать на кнопку спуска.

Пых!

Вот и все. Ганс осторожно опустил меня на землю и пошел за Луисом к следующему грузовику, полагая, что я слеую за ними по пятам. Но я осталась стоять на месте, моргая и оплакивая ощущение на себе рук Ганса еще секунды три или пять, прежде чем снова смогла прийти в себя и пойти за ними.

Когда мы познакомились со всеми водителями грузовиков, мотоциклистами и работниками стадиона, мы с Гансом попрощались с Луисом и пошли на свои места. Это были места в Клубном Секторе, что, как я скоро узнала, означало «где сидят богатые». Очевидно, богатые люди не особо ходят на ралли грузовиков, потому что этот сектор был практически пуст. В туалете для богатых даже не было очереди!

Я шмыгнула туда, пописала и привела себя в порядок, а когда вышла, вид Ганса Оппенгеймера, прислонившегося к противоположной стене, едва не убил меня на месте. Этот человек был ходячим противоречием. Он выглядел практически неприкасаемым, стоя там с лицом Отдыхающего Бандита, жуткими татуировками и таким естественным рокер-шик видом. Но мальчишеская улыбка и прелестный плюшевый Копальщик Могил в руках так и потянули меня к нему, а не в другую сторону.

- Это мне? - спросила я, протягивая руку к мягкому плюшевому чудищу с пухлыми колесиками.

- Ой, черт, - сказал Ганс, не отдавая игрушку. - А ты тоже такого хочешь?

Рассмеявшись, я вырвала ее из его рук и прижалась к плюшевой кабине щекой, как кошка.

Ганс указал большим пальцем куда-то по коридору.

- Там у них есть еще Монстр Матт и Эль Торо Локо, если ты хочешь кого-то, больше похожего на зверушку.

- Нет. Меня устраивает Копальщик Могил, - сказала я, поднимая локоть, чтобы Ганс увидел автограф. - Спасибо.

Я уже была готова поцеловать его, встав на цыпочки, но тут внезапно вспомнила, что Ганс не был моим бойфрендом. Это осознание обрушилось на меня, как ведро холодной воды.

Мы с Гансом никогда не поцелуемся.

Ганс принадлежал другой.

«Блин, ну что же со мной не так?»

Это даже не имело смысла. Каждая клеточка моего тела признавала его и стремилась к нему, а я ведь знала его меньше суток. Может, мы с ним были вместе в какой-нибудь прошлой жизни? Мои родители-хиппи верили в

реинкарнацию. Может, они были правы. Может, его и моя душа знали друг друга. Мои кости узнавали его вибрации и отзывались на них. Наши сердца уже обменялись тайным рукопожатием. Но вот мой мозг? Мой мозг приказывал прекратить отчаянно добиваться его внимания и найти себе собственного мужика.

Пока я переваривала свое смятение, мы с Гансом оказались возле навороченной витрины ресторана в лаунже Клубного Сектора. От запаха жареного мяса и чеснока у меня в животе громко заурчало. Тут в каждом углу была мини-версия всех знаменитых ресторанов Атланты. Итальянская кухня, барбекю, стейки, пекарня. Ганс заливался слюной над меню заведения с двенадцатидолларовыми гамбургерами, когда стадион сотряс рев заводящихся моторов.

– Начинается! – заверещала я.

Ганс отдал мне один из пропусков, которые ему дал Луис, чтобы я могла побежать на наше место и посмотреть начало шоу. Мы были в десятом ряду, так близко, что я чуяла запах восторга и тестостерона. Грузовики, рыча, проехали вокруг арены, сияющие примеры американской мощи, а потом разделились и встали по обеим коротким сторонам арены. Потом со всех сторон, наполняя воздух ревом, выехало два десятка парней на грязевых мотоциклах. После представления они выстроились вдоль двух длинных сторон арены.

Через динамики объявили что-то, чего я не разобрала, но это явно был сигнал, по которому два грязевых мотоцикла заняли место на стартовых линиях с обеих сторон грязевого трака.

«Стартовые линии».

«У них гонки».

«Это гоночный трек».

Я не хотела брать Ганса на трек Харли, но каким-то образом трек сам нашел меня. Я не хотела думать о том, как выглядел Харли в больнице, в гипсе и в наручниках, робко сунув мне помолвочное кольцо перед тем, как его увели в тюрьму. Я не хотела вспоминать о звонке его брата, Дейва, когда он рассказал, что мой главный враг, Энджел Альварез, жила с Харли уже больше месяца. И уж

точно я не хотела думать о письме Рыцаря, в котором он признавался, что это он сбросил нас с дороги. Что у него случился приступ ярости, когда Харли увез меня под дулом пистолета. Что ему нельзя помочь и что он снова уезжает в Ирак выполнять свой гражданский долг.

Перечитывая в уме это письмо, я почувствовала, что у меня начинает биться сердце и дрожать руки. Хотя я и сожгла его несколько месяцев назад, я выучила наизусть каждую злобную большую букву. Я оглядела арену, но на месте каждого водителя мне виделось скалящееся из-за руля лицо Рыцаря в его адском грузовике, с измазанным кровью ртом и зажатой в безупречных белых зубах сигаретой.

Стоп.

Щелкнув пальцами, я представила себе большой красно-белый знак СТОП. Этой технике меня научил мой преподаватель психологии. Ирония была в том, что я обратилась к нему в поисках способа помочь Рыцарю с его посттравматическим расстройством. Но очень скоро я поняла, что у меня тоже есть много аналогичных симптомов. Из-за Рыцаря. Из-за того, что я видела, что он делает с другими людьми. Из-за того, что он сделал со мной. Такая остановка мыслей помогала мне обходиться без флешбэков и панических атак, которые врывались в мою жизнь, когда я видела что-то, относящееся к Рыцарю. Я только должна была не забывать это делать.

Один из байкеров перескочил через рампу, пролетел по воздуху и в скольжении пересек линию финиша, подняв обе руки вверх в победном жесте. Толпа взревела и забилась, но не так, как забился мой пульс при появлении Ганса с двумя огромными стаканами пива, огромными чизбургерами и чесночными чипсами.

– Как тебе удалось достать пиво? – заверещала я, протягивая жадные руки к одному из пластиковых сувенирных стаканов.

– Да у меня не проверяют документы лет этак с шестнадцати, – хохотнул Ганс.

– Спасибо, – я улыбнулась и потянулась чмокнуть его в щеку.

«Черт! Черт побери, Биби! Прекрати сейчас же!»

Не успев коснуться его лица, я нагнулась и подняла свою сумку с бетонного пола.

– Сколько я тебе должна?

«Ну хоть так, тупица».

– Пш-ш-ш, – отмахнулся Ганс от моего кошелька. – Твои деньги тут не канают, – подмигнув, он положил мне на колени чизбургер в бумажной обертке.

Мой желудок взревел, а рот наполнился слюной. Я испытала вину за то, что собиралась сделать. Я знала, что чизбургер, чипсы и пиво намного превосходят мой самоустановленный лимит в тысячу калорий в день, ну и черт с ним. Я ничего не ела уже сутки, все это пахло просто потрясающе, и последнее, чего мне хотелось – так это отвергнуть подарок Ганса.

«Может, я просто ужмусь немножко завтра, – подумала я, втянув в себя примерно половину чизбургера за три оргазмических глотка. – Может, я сделаю вечером побольше упражнений, – сказала я себе, запивая их пенящимся, ледяным «будвайзером». – Может, я съем парочку чипсов», – мечтала я, запихивая в себя пригоршню жареного, жирного чесночного чуда.

Просто потрясающе, что может сделать опьянение насыщенными жирами и алкоголем со всеми внутренними голосами. Моя вина свернулась в клубочек и крепко заснула до самого конца ралли.

Мы с Гансом провели больше времени на ногах, прыгая, вопя, расплескивая пиво и спрашивая друг друга: «Ты видел эту фигню?!», чем просидели на своих местах.

Шоу было просто феноменальным. Пятитонные машины парили в воздухе, приземлялись на другие машины, перекатывались и врезались друг в друга. Но, когда на арену вышли Робозавры, дышащие огнем и перекусывающие жертвенные останки старых машин пополам, как какие-то железные адские каннибалы, мы с Гансом просто потеряли остатки разума. И голосов.

Мы вышли, пошатываясь, со стадиона Джорджии сильно после полудня, пьяные, счастливые, болтающие обо всем, что только что увидели. Ну, по крайней мере, я точно была пьяной. Гансу, чтобы опьянеть, надо, наверное, было выпить несколько кувшинов, таким он был здоровым.

Я присела на скамейку в тени неподалеку от выхода и вытащила из своей бесформенной тигриной сумки пачку «Кэмел лайтс». Ганс сел рядом. Прямо рядом со мной. Так близко, что наши бедра соприкоснулись. Жаркая волна удовольствия, вырвавшись из этой крошечной точки, охватила все мое тело жарким, щекочущим предвкушением.

Раскурив две сигареты, я протянула одну из них Гансу. Он взял ее с теплой улыбкой, откинулся назад и небрежно протянул руку по спинке скамейки мне за плечо.

«Боже мой. Он положил туда руку! Это же такой универсальный знак, типа “Иди сюда, я тебя обниму”, верно? Он точно хочет обниматься! Если я откинусь назад, он обнимет меня, и это будет такое совершенно дружеское, несексуальное, дневное объятие двух друзей».

Я глубоко затянулась, сказала: «На хрен» – и, выпуская дым, откинулась назад.

Но Ганс не обхватил меня своей рукой.

Я положила голову ему на плечо.

Но Ганс не обхватил меня своей рукой.

Запаниковав, я взмолилась, чтобы Вселенная послала нам внезапное землетрясение, разверзлась и поглотила меня целиком.

– Устала? – спросил Ганс.

Я кивнула.

«Ну да, если под “устала” он имел в виду “стыдно до жопы”, то да, точно, я буквально измождена».

– Вот, – Ганс взял плюшевого Копателя Могил, которого таскал за мной, и положил его на дальний конец скамейки. – Не хочешь прилечь?

«О боже, он пытается отодвинуть меня подальше от себя! Я его достала! Я достала его до печенок!»

Замершие слезы щипали глаза, колющий жар побежал по шее и щекам, и я легла на спину, положив голову на маленький плюшевый грузовик. Я только не знала, куда девать ноги, так что, согнув их в коленях, я поставила их на скамейку рядом с бедром Ганса, стараясь не прикасаться к нему.

Даже при всем своем расстройстве я должна была признать, что лежать было очень, очень хорошо.

А стало еще лучше, когда Ганс положил свой правый локоть на мои поднятые колени.

«Что это еще за дела?»

Он начал тихонько раскачивать мои ноги-спички из стороны в сторону. Дым от сигареты в его руке образовывал между нами затейливые зигзаги. Ласково глядя на меня так и сияющими на его суровом лице глазами, Ганс спросил: «А что ты хочешь делать теперь, Бибика?»

«Убежать куда-нибудь с тобой. Без оглядки. Улететь в Лас-Вегас. И стать там миссис Оппенгеймер».

– Без понятия, – повернув голову, я выдохнула в сторону струю дыма. – Мне не надо ни на работу, никуда. А что у тебя?

– Группа моего друга играет сегодня вечером в Табернакле. Это тут рядом, через парк, – указал он своей сигаретой в сторону Юбилейного Олимпийского Парка. – Если хочешь, конечно.

«С тобой? Да я пойду даже заборы красить».

Я пожалала плечами в слабой попытке изобразить, что еще не придумала имена всех наших четырнадцати детей.

- Прикольно. А что будем делать до тех пор?

«Лежать тут? Может, ты тогда ляжешь сверху? Я почти уверена, что трахаться сквозь одежду – это не измена. И что, если кончу только я? Это же тогда совершенно нормально, да же? Да? Давай тогда так и сделаем».

- Мы можем пойти в Подземку.

«Ну, или так. Я это и имела в виду. Все, что скажешь».

5

Спустя пятнадцать минут, еще две сигареты, литр пота и начинающийся солнечный ожог мы с Гансом подошли к старому депо поездов на южном краю центра города. Огромный указатель оповещал, что мы находимся в Подземной Атланте.

- Как-то не особо оно подземное.

Ганс, хохотнув, провел меня к боковой стороне здания.

- Ты что, раньше тут не бывала? – он казался довольно озадаченным.

- Кажется, родители водили меня сюда, когда я была маленькой, но я не помню.

- Так вот, все это, – обвел он рукой улицы вокруг, витрины и площадь перед входом, – было построено в 1920 году двумя этажами выше изначальных путей, оставшихся с 1800-х. Кажется, это сделали, чтобы уменьшить пробки, или что-то такое. Все лавочки просто поднялись на два этажа, и все более-менее забыли о пространстве внизу.

– Как-то это странно, – сказала я, оглядываясь и пытаюсь представить, как все это могло выглядеть раньше.

– Ну, конечно, забыли не все. Некоторые витрины, оставшиеся внизу, стали продавать всякую запрещенку.

– Блин. Ни фиги себе. Как же это, наверное, было круто? – я представила себя со стрижкой боб до подбородка и рядами оборок на платье, которые подымались и опускались, когда я кружилась в танце с одним высоким, темным, красивым персонажем в полосатом костюме. Я поглядела на полосатые штаны Ганса, на цепочку и на его суровое ангельское лицо и улыбнулась.

– Я всегда хотела быть флаппершей. В смысле, посмотри на меня, – я провела рукой вдоль тела. – Кудри, тощая фигурка, слишком яркая подводка, проблемы с самооценкой – я же идеально подхожу.

Ганс поглядел на меня, и от того, как полыхнули его серо-голубые глаза, я поежилась. Прежде чем ответить, он слегка облизнул губы.

– Может, ты и была.

– Может, я была флаппершей? Типа, в прошлой жизни? Ты что, правда в такое веришь? – я совсем не хотела его осуждать. Я просто действительно удивилась. Я не думала, что в реинкарнацию верит кто-то, кроме моих родителей.

«Ну теперь, наверное, еще и я».

Ганс пожал плечами. Мы зашли за угол старого депо. Там с краю был эскалатор, уходящий вниз.

– Не знаю. Но ведь все может быть?

Мы с Гансом встали на эскалатор одновременно. Я повернулась, прислонившись задницей к движущемуся поручню. Ганс повторил мою позу на противоположной стороне. Лампы в туннеле бросали ползучие тени на его лицо, пока мы медленно спускались вниз.

– Я имел в виду, разве у тебя не было так, что ты, не знаю, как будто знаешь что-то, чего знать не можешь? Или чувствуешь, что была там, где никогда раньше не была?

– Или как будто знаешь кого-то, кого никогда раньше не встречал? – вырвалось у меня.

Ганс поглядел мне в глаза. Это, казалось, длилось вечность – или, в нашем случае, две, – а потом одарил меня намеком улыбки.

– Ага. Ты когда-нибудь чувствовала такое?

У меня защипало в носу. В волосах. От его пронизывающего взгляда у меня защипало все мои чертовы пальцы с ярко-красными ноготками. Что бы я ни чувствовала, Ганс чувствовал то же самое. И он хотел, чтобы я произнесла это вслух.

– Ага, – сглотнула я. – Было.

Когда эскалатор довез нас донизу, мне показалось, что я прошла сквозь кроличью нору в другое время и измерение. Мы оказались в конце длинной улицы, вымощенной кирпичом. Бетонные и балочные перекрытия над головой заслоняли то, что раньше было залито солнцем. По краям шли сплошные витрины, деревянные фасады домов и выгнутые деревянные арки проходов, скрытые тут более восьмидесяти лет. Дорогу освещали старинные фонари, а посреди мостовой там и тут стояли киоски, сделанные из старых повозок, которые еще возили лошади.

Через несколько шагов в воздухе послышались звуки отдаленной джазовой музыки, и мои ноздри учуяли запах засахаренных орехов, которые продавались в одном из ближайших киосков.

Желание взять Ганса за руку росло во мне с каждым шагом, который я делала в этом романтическом, позабытом городе внутри города. Мне была просто необходима сигарета. Надо было срочно занять чем-то руки, прежде чем они сделают какую-нибудь глупость.

На первом же перекрестке, к которому мы подошли, на углу стоял человек, играющий на саксофоне перед открытой верандой ресторана. Ну настолько открытой, как это может быть под землей. Я понятия не имела, какую еду тут готовят, но на столиках были пепельницы, и этого было достаточно.

На табличке было написано, что можно садиться самим, так что я выбрала столик в дальнем углу патио, где музыка была не такой громкой.

Пришла официантка с меню и корзиночкой с чипсами и сальсой.

Это был мексиканский ресторан.

Я закурила и тут же почувствовала, что расслабилась. Наличие стола между нашими телами и «Кэмел лайтс» у меня в руках резко успокоило мои нервы. И я подумала еще кое о чем, что могло бы охладить меня еще сильнее.

– А как ты думаешь, они тут будут проверять наши документы?

Ганс рассмеялся.

– Мои? Нет. Твои? Безусловно.

У меня отвисла челюсть.

– Ну я же не выгляжу настолько молодо.

– Ага-ага, – Ганс сжал губы, пытаясь подавить смех.

– Ну, и на сколько я выгляжу?

Наклонив голову набок, Ганс оценивающе оглядел меня, сощурился так, что вся голубизна скрылась в тени густых темных ресниц. Так он выглядел довольно мрачным.

– На семнадцать.

Я выдохнула.

– Но я же тут с тобой, а ты выглядишь на все двадцать семь. Разве от этого я не кажусь старше?

Ганс улыбнулся одной стороной рта.

– Как скажешь. Хочешь попробовать?

– Правда?

Пожав плечами, Ганс вытащил из кармана пачку «нюпорта».

– Ну, а что плохого может случиться?

Тут же, как нарочно, подошла официантка, вынимая из кармана блокнот. Ей было лет двадцать с небольшим, и, казалось, она немного напряглась, подходя к нам – возможно, потому, что один из нас был таким роскошным черноволосым великаном со злобным лицом и жуткими татуировками. На ней были кеды и резинка на хвостике, а на голове хвостик. Если уж кто-нибудь и принес бы спиртное паре подростков, так это именно она.

– Меня зовут Мария. Я буду вас обслуживать. Что будете пить?

Мы с Гансом обменялись взглядами. И он сказал еще более низким, чем всегда, голосом.

– Мы будем пиво «Корона»... Мария... Пожалуйста.

От этой яркой, широкой улыбки, с которой он к ней обратился, у меня перед глазами все покраснело, и я заломила под столом костяшки пальцев. Я знала, что он всего лишь пытается раздобыть мне пиво, но все равно – почему он непременно должен делать это вот так?

Мария улыбнулась и опустила глаза, делая вид, что записывает заказ. Потом она подняла их, поглядела на меня и спросила:

– Можно взглянуть на ваше удостоверение, пожалуйста?

«Сучка».

Я схватила свою сумку, вытащила оттуда плюшевый грузовик и начала рыться в поисках бумажника.

«Удостоверение захотела? Будет тебе чертово удостоверение».

Вытащив карточку из отделения бумажника, я скептически вручила ее официантке.

Бедная Мария поглядела на карточку, потом на меня, потом снова на карточку. Ее и без того обеспокоенное лицо затуманилось еще сильнее.

Ганс пнул меня под столом. Я ответила на его вопросительный взгляд своим победным.

– Хм, извините, мэм, но это не похоже на вас.

– Я знаю. Я состригла и высветлила волосы.

– Нет, мэм. Тут написано, – Мария взглянула на Ганса, наклонилась и прошептала мне на ухо: – Что вы весите восемьдесят пять килограммов.

По моим венам разлился адреналин. Я понимала, что Мария просто выполняет свою работу. Я понимала, что никто не поверит девушке, которая может есть хлопья из выемки над своей ключицей, если она предъявит удостоверение, в котором сказано, что она весит вдвое больше, но мне было плевать. Мария усомнилась в моем весе и кокетничала с моей родственной душой, и за все это заслуживала смерти.

Я вырвала у нее удостоверение и отрезала:

– Это фото было сделано пять лет назад. Я села на диету после школы, ясно? Меня достало, что меня дразнят моим весом, ясно? Мне было стыдно, ясно? И вам не обязательно тыкать мне этим в лицо!

Мария подняла руки, защищаясь, а потом прижала одну из них к сердцу в жесте искреннего раскаяния.

– Простите, простите, мэ. Я не... Я не должна была... Я сейчас принесу ваши напитки. Извините меня.

И ушла.

Мне должно было стать стыдно – я вела себя как полная скотина, – но стыдно мне не стало. Я чувствовала себя победителем. Ничего не делало меня, избалованного единственного ребенка, счастливее, чем желание настоять на своем.

Довольно улыбнувшись, я хотела убрать карточку обратно в бумажник, как вдруг Ганс протянул руку и щелкнул своими длинными пальцами.

– Так-так-так. Дай-ка взглянуть на эту штуку.

Просияв, я протянула ему пластиковую карточку.

– Кто это? – расхохотался Ганс.

Я широко улыбнулась.

– Понятия не имею. Джульет, моя лучшая подруга, нашла ее в кустах возле молла. Она бы оставила ее себе, но она метиска, так что уж совсем не похожа на эту фотку.

– Но ты тоже совсем не похожа! – хохотнул он. – Не могу поверить, что тебе принесут пиво с этой штукой.

Ганс вернул мне права некой Джолин Элизабет Годфри. Его суровое лицо излучало уважение и радость. Просияв от гордости, я убрала удостоверение обратно в бумажник. Потом снова изобразила на лице раздраженную гримасу, потому что бедная, милая Мария как раз принесла нам пиво.

Ганс, пытаясь сделать серьезное лицо, заказал кучу тако, которыми можно было бы накормить небольшую армию, но как только Мария ушла подальше, разразился смехом. Приподняв свой бокал с пивом, он сказал: «За Джолин».

Улыбаясь, я чокнулась с ним. «За Джолин».

Я сделала победный глоток и удовлетворенно вздохнула.

Как один день может все изменить. До того, как Дева-Гот и Стивен позвали меня вчера вечером в гости, я была буквально собственной жалкой оболочкой. Моя стрижка обросла до безобразия, и голова была похожа на гриб. Я не красилась неделями. Я была депрессивной, скучной, лечила не только сломанные ребра, но и в очередной раз разбитое сердце. Однако я взяла себя в руки, обрезала волосы и присоединилась к миру живущих со вкусом. Я прошла путь от созерцания четырех стен до пробуждения в чужой кровати с незнакомцем, поездке за рулем его БМВ с открытым верхом, VIP-обслуживания на шоу грузовиков и телепортации в 1920-е годы. И хоть мы и не были в магазине запрещенки, я все же умудрилась нелегально купить спиртное.

Что меня заинтересовало:

– А откуда ты столько знаешь про это место?

Ганс задумчиво кусал заусенец на большом пальце и смотрел куда-то мне за плечо. Когда я заговорила, он тут же поглядел на меня.

– А? Прости, я заслушался, – Ганс указал на саксофониста позади меня. – Он очень хорош.

– Круто. Я просто спрашивала, откуда ты столько знаешь про это место.

– Ой, не знаю. Мне всегда нравилась история. Это были единственные уроки в школе, на которых мне не надо было списывать на контрольных. Ну, кроме музыки.

Я рассмеялась.

– Смешно. История была единственным уроком, на котором мне приходилось списывать. Мне просто всегда было плевать, что делали толпы злобных людей много лет назад. Типа, мне все ясно. Они дебилы. Проехали.

Ганс фыркнул в свое пиво. Мне нравилось его смешить. У него были прекрасные зубы. И прелестные губы. Его улыбка не была огромной, мегаваттной улыбкой суперзвезды, хотя он и казался ею. Его улыбка была тихой. Почти стеснительной. Такой ужасно милой.

– Ну, Джолин, – поддразнил он, – а чем увлекаешься ты?

«Твоим лицом».

Пытаясь придумать ответ получше, я отхлебнула пива. Что меня увлекает? Парни. Обнимашки. Секс. Искусство, музыка и кино. Психология, забота о людях, права женщин. Мои родители, моя собака, мои друзья. Я люблю читать, писать, рисовать и раскрашивать. Мне хочется путешествовать. Я люблю моду и фотографию. Пить, курить и нарушать правила. В мое сознание одновременно ворвалось столько всего, что у меня просто вылетело: «Всем. Я увлекаюсь, на хрен, всем».

– Всем, кроме толпы старых злобных людей много лет назад.

– Точно, – ухмыльнулась я, направляя на него палец. – Кроме этого. Ну, и еще Чумбавамбы.

Ганс снова рассмеялся, и от этого звука мне показалось, что легкие пивные пузырьки в моем желудке начали танцевать по всему телу. Я заметила, что, начиная смеяться, Ганс всегда на секунду опускает глаза, ровно настолько, что его чернильно-черные густые ресницы успевают смягчить суровое, мужественное лицо. Ровно настолько, чтобы я успела вздохнуть так, чтобы он не заметил.

Схватив со стола пачку «нюпорта», Ганс сунул в рот сигарету. Перед тем как прикурить, он замер, зажав ее в зубах. Взглянул на меня, и все веселье исчезло с его лица, которое стало каким-то слишком серьезным.

- Ты уезжаешь в колледж?

Настала моя очередь фыркать.

- Блин, нет. Я буду прямо тут, - я указала куда-то в сторону кампуса Университета Джорджии, который был отсюда в нескольких кварталах. - Я получила стипендию на обучение, так что, пока я остаюсь в пределах штата, мое обучение бесплатно. И у меня уже есть несколько баллов за продвинутые курсы, так что если я буду рвать жопу и дальше, то стану бакалавром психологии раньше, чем получу право покупать спиртное.

Ухмыльнувшись, Ганс толкнул меня под столом ногой.

- Может, не стоит кричать об этом слишком громко, Джолин.

Тепло пробежало по моему телу от той крошечной точки, где соприкоснулись наши ботинки, вверх, внутрь моих штанов из кождама, прямо туда, где сходились бедра.

- Ой, правда, - покраснела я, озираясь, чтобы убедиться, что Мария нас не услышала. - Я хотела сказать, что я и без того достаточно взрослая, чтобы пить, - я повысила голос, чтобы меня мог услышать весь ресторан.

Ганс снова пихнул меня ногой, чтобы я затихла, и я чуть не кончила на месте.

- Ну, а ты идешь осенью в колледж? - спросила я, стараясь сосредоточиться на его ответе, а не на том, что его нога все еще касалась моей.

- Не-а, - Ганс наконец закурил и протянул мне открытую пачку в безмолвном предложении.

Я взяла ментоловую сигарету и потянулась к нему, чтобы прикурить. Пламя согрело мое лицо, а от первой затяжки защипало в горле.

- Я пока собираюсь сосредоточиться на своей музыке. Родители хотят, чтобы я шел в колледж, и даже предложили пойти в эту дико дорогую музыкальную школу в городе, но я не хочу изучать чей-то стиль. Понимаешь? Я хочу найти

собственный.

Я кивнула, открывая в этом сидевшем напротив меня человеке новые качества. Ганс не хотел стать просто еще одной рок-звездой. Он был настоящим артистом. От этого понимания мне стало немного грустно. Я знала это чувство. Оба моих родителя, дядя с отцовской стороны, несколько двоюродных братьев и обе бабушки были творческими людьми. Казалось бы, вырастая в семье, полной поэтов, художников и музыкантов, я тоже могла бы позволить расцвести собственным творческим способностям. Но нет. В нашей семье считалось тяжелым бременем родиться с тягой к творчеству. Это не оплатит твоих счетов. Это только разобьет тебе сердце.

Мой отец и его брат, которые выросли, вместе играя в рок-группе, во взрослом возрасте впали в депрессию. В качестве музыкантов они не зарабатывали даже на покрытие основных потребностей, так что им приходилось с утра работать на унизительной работе в магазине, и это надорвало их чувствительные души. Мой папа привык не спать по ночам, пить и играть на своей электрогитаре сам для себя, выкрутив громкость на самый минимум. Его рок-н-рольный дух был практически сломлен.

– Надо быть умной – только на этом можно построить будущее. А не на таланте и уж точно ни хрена не на том, как ты выглядишь, – вдалбливал мне папа.

– Лучше быть умной, чем красивой, – шептал он мне на ухо перед сном каждый божий день.

– Искусство разобьет тебе сердце, – предупреждал он.

– В наши дни надо иметь как минимум степень магистра. Бакалавры и так пятак за пучок. Найди работу с бонусами, а может, и с пенсионными. И тогда с тобой все будет хорошо, – убеждал он.

«Ради бога, не стань такой, как я», – умоляли его глаза.

Я и сама не хотела стать такой, как он. Мне совсем не нравилось быть голодающим артистом. Я знала, какая у нас бедная семья. В каком напряжении и депрессии они все живут. Я хотела помогать таким, как они, а не становиться одной из них.

Ганс вот, например, точно голодал. Этот поганец жрал больше, чем все, кого я видела. Мария принесла столько тарелок с тако, что они возвышались в ее руках, как фарфоровая лестница, и еще два пива – в качестве предложения мира.

Я с искренней улыбкой взяла у нее пиво и решила, что она все же мне нравится.

Она попыталась поставить передо мной несколько тарелок, но я покачала головой и отправила их все на тот конец стола.

К тому моменту, как все тарелки оказались на столе, Ганс успел сожрать первый тако.

– Налетай, – указал он мне на выбор разнообразных тако, стоящих перед нами.

– Мне хватит, – я подняла руки, в одной – сигарета, в другой – пиво. – Вот мой ужин.

Ганс перестал есть и, снова посерьезнев, уставился на меня. Его лицо напомнило мне, что он все еще может оказаться серийным убийцей.

– Ты что, не будешь есть?

– Да я еще с обеда сыта. Бургер был просто огромным! Но спасибо. Кстати, ты не хочешь потом пройти мимо универа Джорджии по пути в Табернакль? Я еще не очень ориентируюсь в кампусе, но мне все равно не хочется заказывать одну из их дурацких экскурсий.

Улыбнувшись, Ганс снова откусил тако.

– Конечно, – пробормотал он с набитым ртом, нисколько не возражая против смены темы. – Я тоже хочу посмотреть. Может, я смогу потом заскакать за тобой и ходить сюда обедать. Эти тако просто потрясающие.

– Ага, – я отхлебнула пива, чтобы скрыть улыбку, грозившую разорвать мое лицо. – Может быть, – я затянулась сигаретой. – Было бы неплохо, – я выдохнула.

«Господи боже, черт побери, – вопила я про себя. – Ганс хочет еще встречаться со мной!»

6

Ганс заплатил, даже не глядя на счет, а просто отдав Марии свою кредитку. Для голодающего артиста он явно не страдал от нехватки денег. Мне захотелось спросить, нет ли у него другой работы, кроме работы бас-гитариста в никому не известной группе, но мне было неловко вдаваться в подробности его финансов, потому что мы и сутки не были знакомы.

Мы снова проехали на эскалаторе сквозь время, за несколько минут поднявшись из темной романтической Атланты 1920-х в обжигающе жаркую, адски шумную Атланту 1990-х. Контраст был ошеломительным. Нам не только пришлось кричать друг другу, чтобы хоть что-то расслышать сквозь какофонию сирен и автомобильных гудков, но на нашем коротком пути – всего пять кварталов – до Университета Джорджии к нам пристало как минимум пять уличных попрошаек.

Папа всегда учил меня не давать денег бездомным. Он говорил, что они потратят их на наркоту и спиртное. Но, очевидно, Гансу никто этого не говорил, потому что, пока мы дошли до универа, он успел раздать всю свою мелочь и половину сигарет.

Кампус Университета Джорджии представляет из себя не столько кампус, сколько просто набор старых, не сочетающихся между собой зданий в южном конце Персиковой улицы. Мы с Гансом пошатались там и сям, пытаюсь зайти в запертые здания и забираясь по лестницам, чтобы посмотреть, куда они ведут. В нормальном состоянии я, может, была бы немного поражена размерами своего нового учебного заведения, но во мне было две дозы пива, так что меня ничто не могло ошеломить.

Единственным общественным местом, которое нам удалось обнаружить, была большая бетонная площадка примерно двумя этажами выше уровня улицы. Мне там понравилось. Мы с Гансом были там совершенно одни и при этом в самом центре всего. На площадь выходили фасад библиотеки, нескольких зданий, названных в честь каких-то злобных древних людей, и Факультет Наук и

Искусств.

Пихнув Ганса под ребра – еще один предлог прикоснуться к нему, – я указала на здание напротив.

– Смотри, если ты все равно придешь сюда, чтобы пообедать со мной, можешь заодно и записаться. И тогда мы смогли бы даже учиться в одном здании.

Ганс прищурился на вывеску Наук и Искусств, которая как раз освещалась косыми лучами заходящего солнца.

– Мы бы могли даже ездить вместе! – чирикала я. – погоди, а где ты живешь?

Ганс отвернулся от вывески и поглядел на меня, ладонью заслоняя глаза от солнца.

– На озере Ланье.

– На озере Ланье? Типа, на озере Ланье?

Ганс рассмеялся, отворачиваясь от солнечных лучей. Мы продолжали шагать.

– Ну да.

– Во-первых, черт возьми, там такие красивые дома, – сказала я. – А во-вторых, это минут сорок пять отсюда на север.

– По пробкам – час, – уточнил Ганс.

– И ты собирався тащиться оттуда сюда, просто чтобы пообедать со мной?

Пожав плечами, Ганс засунул руки в карманы.

– Ну да. А что?

Я скорчила ему рожицу. Мое сердце трепетало, как крылышки птички-колибри.

- Но ты ненавидишь водить.

Ганс посмотрел на меня с улыбкой. На его небритых щеках появились ямочки. Угольно-черные ресницы окаймляли джинсового цвета глаза.

- Ну да, но там такие вкусные тако.

В его голосе, в его выражении было нечто, что говорило мне – кое-что нравится ему больше, чем тако. Мои коленки начали подгибаться, и мне пришлось скрестить руки на груди, чтобы тут же не схватить его в объятия и не отпускать никогда. Я раскрыла рот, чтобы что-то сказать – наверняка очередную глупость, типа: «Знаешь, что! Скажи своей подружке, чтобы пошла на фиг, давай снимем вместе квартиру, пойдем в университет, будем вместе всегда, поженимся, и я нарожаю тебе высоких черноволосых детишек!» – как вдруг прямо нам в лицо засияли мигалками и завывали сиренами пожарная машина и скорая помощь. В центре города это было обычное дело, но они не могли выбрать момента лучше.

Я воспользовалась предлогом, чтобы сменить тему разговора. С Гансом это было легче легкого.

- Ну, сколько у нас еще осталось до начала концерта?

7

Если бы не освещенный навес и не окружавшая здание очередь подростков с пирсингом во всех местах и лиловыми волосами, можно было бы подумать, что Табернакль – просто еще одна большая старая Южно-Баптистская церковь. Раньше так и было. Теперь же в ней оказалось столько пьянства, курева, танцев и болтовни, что ее основатели, должно быть, так и крутились в своих гробах.

- Черт! – сказала я, прочитав имя над навесом. – Твой друг играет на разогреве у «Love Like Winter»? Я только что купила их новый альбом! Они просто потрясные!

– Правда? Я слушал его, наверно, раз восемьдесят и всякий раз слышал что-то новое. Они, блин, гениальные. И страшно милые. Мы пытались попасть к ним на разогрев пару недель назад, но они хотели что-то более нетрадиционное. Я пытаюсь вести нас в этом направлении, но Трипу надо что-то более индустриальное, если это вообще возможно.

– А кто это – Трип? – спросила я, сворачивая влево, чтобы встать в конец очереди.

– Наш солист, – ответил Ганс, хватая меня за руку и таща направо, к началу очереди.

Заверещав и споткнувшись, я выровняла шаг, думая только о том, что Ганс держит меня за руку.

«Он держит меня за руку».

«Он держит меня за руку».

«Он все еще держит меня за руку!»

Мои легкие сжались, а все передачи в мозгу заклинило оттого, что я не могла понять, что мне делать. Я знала, что должна вырвать руку. Но я не могла ее вырвать. Я хотела сплестись с Гансом пальцами и погладить его большой палец своим – ну, конечно, если мой окажется сверху, – но этого я тоже не могла сделать. Вместо всего этого моя рука, как снулая рыба, оставалась в руке Ганса, а мои ноги, как вялые макароны, плелись за ним ко входу.

Один из парней, проверяющих документы на входе, небольшого роста, с темными, стриженными под горшок волосами, увидел, что мы подходим, и развернул плечи.

– Простите, сэр, – сказал он, указывая назад, – я вынужден отправить вас в конец очереди.

Ганс склонил голову набок.

– А я вынужден заставить вас отсосать.

У меня отвисла челюсть, а парень в дверях упал на колени и потянулся к пряжке ремня Ганса.

Рассмеявшись, Ганс отпихнул его.

– Ну, не прямо тут, блин!

Он поднял своего приятеля с земли, и они исполнили тот же самый ритуал объятий и похлопываний, что и с барабанщиком.

Отступив в сторону, Ганс повернулся ко мне и спросил:

– Биби, ты же видела вчера Трипа?

Да, он мне сразу показался знакомым! Но я не узнала его без черной помады и готских одежек, хотя эта стрижка до плеч и выдавала его.

Покачав головой, я собиралась протянуть руку, но Трип шагнул вперед и вместо этого обнял меня.

– Да нет, блин, она не видела! Ты выскочил, как дикарь, и захватил ее, прежде чем мы успели опустить инструменты, на фиг.

Повернувшись ко мне, Трип, понизив голос, спросил:

– Биби, ты уже видела его шланг? Теперь понимаешь, что мы не зря зовем его ГДЧ.

По лицу Трипа расплылась чеширская улыбка, но тут Ганс накрыл его своей здоровенной ручищей и оттащил от меня. Трип пытался отбиваться, но Ганс просто держал его на вытянутой руке, так что его удары просто повисали в воздухе.

– Трип! Подними задницу и помоги нам! – раздался женский голос.

Ганс выпустил голову приятеля, и Трип обернулся через плечо к сердитой женщине с красным ирокезом, которая проверяла билеты вместе с ним. Сунув Гансу в руку два браслета, Трип врезал ему в живот и поскакал на свой пост.

Ганс испустил утробный звук и показал Трипу средний палец. Полусмеясь, полудавясь, Ганс снова взял меня за руку и провел в здание.

Мне казалось, что кто-то заменил мою кровь на смесь колы и «ментос». Я была просто облаком бушующих феромонов. И едва не отрубалась.

Я понимала, что это плохо. Я знала, что нахожусь буквально в двух шагах от того, чтобы превратиться в Энджел Альварез – эту суку и похитительницу мужчин, – но я пыталась рассуждать здраво. Я сказала себе, что не дам этому зайти еще дальше. Я сказала себе, что братья и сестры могут спать в одной кровати и держаться за руки. Я сказала себе, что тут нет ничего такого. Ганс просто флиртует, так и Дева-Гот говорила.

Но, когда он провел своим большим пальцем по моему, меня охватило ощущение дежавю. Я была готова поклясться, что уже ощущала это прикосновение. Не кожей, а душой.

«Это ты, – шептала она. – Я столько искала тебя».

– Ты извини, – кашлянул Ганс, когда мы поднялись по лестнице. – Это... Ну, это Трип.

– Тот еще трип, – рассмеялась я, представив Трипа на коленях посреди прохода. – Это что, его настоящее имя? Мне нравится.

Ганс фыркнул и встал в очередь, чтобы купить напитки в баре.

– Не-а. По-настоящему его зовут Коди. На сцене мы зовем его Трипл X, потому что он все время смотрит чертово порно. Ну а Трип – это сокращение.

Ганс приподнял мою руку и надел на нее один из браслетов, наклоняясь, чтобы никто не заметил, что он делает. Это было интимно, как будто у нас был общий секрет.

Когда Ганс закончил, я взяла у него второй браслет и сделала то же самое. С опущенными глазами и руками, занятыми надеванием браслета на широкое запястье Ганса, я спросила:

– А что значит ГДЧ?

Ганс не ответил, и я подняла на него глаза. Богом клянусь, я увидела, что он покраснел.

– Я потом тебе скажу, – ответил он.

– Нет! Скажи сейчас! – воскликнула я. – Ну пожа-а-а-алуйста...

Ганс прикусил большой палец, словно раздумывая. Потом улыбнулся и покачал головой.

– Серьезно? То есть ты мне не скажешь?

Ганс снова покачал головой.

– Это неприлично. Ну, не совсем неприлично, просто... неудобно.

– Ну теперь я просто должна это узнать, – надулась я, топнув потрепанным бойцовским ботинком по потрепанным половицам. Скрестив руки, я отвернулась от Ганса, и мой взгляд упал на вход позади нас.

«Трип!»

Я с коварной ухмылкой взглянула на Ганса. А потом рванула к лестнице, слетела по ней вниз и просунула голову в одну из шести массивных деревянных входных дверей.

– Трип! Эй, Трип! – заорала я.

Трип повернулся ко мне, – он стоял в нескольких метрах от меня, проверял билеты, – и раскинул руки, словно ожидал, что я кинусь в его объятия.

– Я знал, что ты прибежишь ко мне, детка!

Я хихикнула.

– Эй, а что такое ГДЧ? Ганс мне не говорит.

Лицо Трипа исказилось в злобной ухмылке.

– Так, значит, ты еще это не видела.

– Чего не видела?

– ГДЧ – это сокращенно Ганс Длинный Член, лапуля. У твоего парня там серьезная колбаса.

Я разразилась смехом, так же как и все остальные, стоящие на верхних ступеньках у входа в Табернакль, кроме, конечно, напарницы Трипа, которая дала ему подзатыльник и указала на все растущую очередь.

Наплевав на нее, Трип уставился на что-то за моим плечом.

– А вот и сам большой парень. Почему ты скрываешь его от моей девушки, братан? Биби хочет увидеть зверя!

Обернувшись, я увидела, что Ганс стоит прямо за мной, с пивом в каждой руке и кривой ухмылкой на суровом лице.

– Ну, ты довольна? – спросил он, протягивая мне прозрачный пластиковый стакан.

– М-м-м-м-хм-м-м, – кивнула я, кусая губу, чтобы не улыбнуться, и изо всех сил стараясь не смотреть на размер его ноги.

Ганс с Трипом немного поорали друг на друга, а потом мы снова пошли вверх по лестнице, через двойные двери в другом конце зала, и в сам концертный зал. Внутри он все еще был очень похож на собор – кроме того, что все видимые

поверхности были покрыты черной краской и граффити. На месте амвона была высокая сцена, но десятиметровые витражные окна с обеих сторон остались как прежде. Ряды кресел давно убрали, но балконы второго и третьего ярусов сохранились. Никто больше не раздавал благословений. Вместо этого они брали с нас деньги – в баре и на столиках, где продавали сувениры. И несмотря на то, что статую распятого Христа унесли отсюда много лет назад, не было никаких сомнений, что то, что происходило здесь, было поклонением.

Ганс выбрал нам место недалеко от сцены, но справа, подальше от толпы. Когда свет погас и толпа начала ломиться вперед, он наклонился и прошептал мне на ухо: «Если хочешь, можешь подойти ближе».

Я поглядела на него, приподняв брови:

– А ты что, не хочешь пойти со мной?

Ганс помотал головой.

– Я не могу. Я тогда всем все заслону. Мне просто неловко, что ты торчишь тут со мной, когда впереди есть место.

Это было ужасно мило. Мне так хотелось повиснуть на его высоком стройном теле, прижаться ухом к сердцу и просто слушать его стук всю ночь напролет вместо всей этой музыки. Но я улыбнулась и шлепнула его по руке.

– Не будь идиотом.

Группа на разогреве называлась «Мисс Убийство», и они тут же заметили в толпе Ганса. Барабанщик, прежде чем начать свою партию, указал на него палочками. Я видела, что они все нервничают, их движения были скованными и отрететированными, но звучали они классно. Ганс оказался прав – они были тяжелыми, но не такими, как «Фантомная Конечность».

Когда они сыграли свой сет и начали собирать инструменты, барабанщик сделал нам знак, чтобы мы подошли. Они с Гансом немного поговорили, а потом Ганс вскочил на сцену, чтобы помочь им собраться.

Я понятия не имела, что мне делать и как помочь, так что я сделала то, что всегда делала, когда мне было неловко. Я закурила и приняла небрежный вид.

Наблюдать за Гансом в его среде было довольно забавно. Он так естественно выглядел на сцене. Он точно знал, что делать, и за работой подшучивал над ребятами.

Когда они ушли, Ганс подошел к краю сцены и протянул мне обе руки.

- Давай. Пошли, познакомимся с бандой.

- С бандой? Типа, с той самой группой?

Ганс гордо просиял.

- Ага. Типа, с группой. Давай.

Я поставила свой почти пустой стаканчик с двумя плавающими в нем окурками на край сцены и дала Гансу поднять меня. Пока он вел меня по сцене за кулисы, я вдруг осознала, что на мне та же одежда, что и вчера, что я укладывала волосы сегодня утром в раковине и непрерывно пила, начиная с полудня. Если бы я знала, что встречу сегодня с «Love Like Winter», я бы хоть душ приняла.

Незаметно пригнувшись, я понюхала свою подмышку.

Фу.

Пока я рылась в сумке в поисках помады и мятных пастилок, мы подошли к двери, перед которой стоял барабанщик, приятель Ганса, плотный потный парень в обтягивающей майке. Он широко улыбался – как и положено тому, кто только что работал на разогреве у «Love Like Winter».

Я даже толком не могу вспомнить, что было дальше – все это было совершенно нереально.

Там была комната. А в ней – знаменитые рок-звезды. Которых я видела по MTV. Чьи диски слушала у себя в машине. Которые улыбались мне и говорили, что им

нравится моя стрижка. Которые пожали Гансу руку, сказав, что помнят его еще с прослушивания. Которые рассмеялись, увидев у меня на руке автограф Копальщика Могил. «Чем грузовик держит ручку?» И которые потом оставили свои автографы на той же руке. Рок-звезды, которые сказали нам: «Спасибо, что зашли», скользнули мимо нас и исчезли за дверью. Оставив нас в своей примерке за кулисами в Табернакле.

Мы с Гансом так и остались стоять, пригвожденные к месту, и только моргали друг на друга.

- Господи, черт побери, - прошептала я.

Ямочки на щеках Ганса стали глубже.

- Ты сейчас выглядишь, как абсолютная фанатка.

- Да блин! Это же «Love Like Winter»! - выдохнула я, указывая на открытую дверь. Потом я в изумлении взглянула на свою руку, в восторге поворачивая ее во все стороны. - И они касались меня!

Ганс хохотнул, глядя на мои восторги.

- Ну, они тоже обычные люди.

Я подняла руку.

- Нет. Они «Love Like Winter». А ты закрой рот.

Ганс приподнял бровь, улыбнулся и в самом деле замолчал.

Я с улыбкой продолжала смотреть на свою руку. А потом, взяв фломастер, которым они писали, сняла колпачок и протянула его Гансу.

- Можешь тоже тут расписаться?

Ганс округлил глаза.

– Убери это.

– Я серьезно. Ты тоже будешь таким же знаменитым. Я точно знаю. И я хочу, чтобы у меня был твой самый первый автограф.

После дальнейших препирательств Ганс наконец взял маркер. Я перевернула руку, чтобы найти пустое место, и затаила дыхание, когда он обхватил мое запястье. Я думала, привыкну ли когда-нибудь к его прикосновениям. К отчаянному стуку забытых воспоминаний из прошлой жизни по бетонному полу моего подсознания.

«Тук, тук, тук», – слышали мои уши.

«Тук, тук, тук», – чувствовали мои кости.

Когда Ганс выпустил мою руку, я поглядела на результат его трудов. Только там, где должна была быть подпись, было написано несколько цифр.

Номер телефона.

Подняв глаза, я встретилась с Гансом взглядом. Его грудь вздымалась, и он прикусил щеку. Он напомнил мне малыша, ожидающего наказания. Милого, щедрого, убойно сексуального двухметрового младенца с пятичасовой щетиной и покрытыми тату руками.

Который только что сделал то, что нельзя было делать.

– Милый, мне кажется, кто-то должен научить тебя давать автографы. Дай-ка сюда, – пошутила я, стараясь разрядить ситуацию, и щелкнула пальцами, показывая на маркер в его руках.

Ганс отдал его мне, не говоря ни слова, и закусил губу, когда я взяла его за запястье.

Через пять секунд, когда я подняла руку и показала ему свой шедевр, он заржал в голос.

– Ты что, серьезно?

– Ой, погоди-ка, – сказала я, быстро добавляя буквы ГДЧ внутри контура пятисантиметрового члена, который только что изобразила. – Вот так.

– Думаешь, такой автограф лучше? – спросил Ганс, осторожно вытягивая маркер у меня из руки.

Ухмыльнувшись, я кивнула.

– Тогда ладно, – пожал он плечами. – Наверное, мне стоит попрактиковаться, – и Ганс поймал меня за руку, прежде чем я успела ее отдернуть.

– Нет! – завизжала я, пытаюсь вырваться, но было поздно. Меня поймали.

Когда Ганс подступил ко мне с фломастером, я, сменив тактику, попыталась выхватить его у Ганса из рук.

Но он только смеялся, перекидывал маркер из руки в руку и дразнил меня, пока наконец просто не поднял эту чертову штуку так высоко над головой, что я не могла дотянуться до нее, даже подпрыгнув.

Я раздраженно фыркнула. Когда в совершенно других обстоятельствах Рыцарь скручивал меня или прижимал к полу, я научилась отлично выскользывать и выворачиваться, чтобы освободиться.

Фыркнув еще раз, я развернулась, пытаюсь высвободить руку из хватки Ганса, как делала тогда с Рыцарем. Но в ту секунду, когда я прижалась к Гансу спиной, мои мышцы обмякли, и схватка была проиграна. Я повисла, прижавшись к груди Ганса, а он притянул меня к себе, обхватил поперек туловища ручищей с зажатым в ней маркером и положил подбородок мне на макушку.

Ганс снова держал меня в руках.

Моя кровеносная система переполнилась дофамином.

Глаза закатились.

С самого утра я помирала по еще одному объятию. Мне так хотелось снова ощутить руки Ганса вокруг себя, даже больше, чем увидеть этот его знаменитый член. А это кое-что значило.

Закрыв глаза, я затаила дыхание, надеясь, что смогу остановить время. Может быть, я смогу навсегда остаться в этом пространстве между двумя вздохами.

Я не дышала, когда Ганс разжал хватку на моем запястье и ласково погладил кожу под своей ладонью. Я не дышала, когда подняла свою правую руку и вытащила маркер из его правой руки. И приоткрыла только один глаз, когда писала свой номер телефона поверх его татуировок, хотя мои легкие уже пылали в груди, как два костра.

Я не дышала до тех пор, пока до нас, знаменуя мой провал, не донеслись сквозь стены первые аккорды первой песни «Love Like Winter».

Мне не удалось остановить время. Все, чего я добилась, так это кислородного голодания в попытке вручить свое сердце очередному недоступному мне парню.

«Дура, дура, идиотка».

Вздохнув, я высвободилась из объятий Ганса и положила черный маркер обратно на кофейный столик в гримерке. Снова натянула свою самую восторженную улыбку. Обернулась и спросила:

– Ну что, пойдём посмотреть концерт?

Ганс повел меня узкими коридорами, и мы пришли к тяжелой серой двери. Я увидела, как она буквально дрожит в резонанс тому, что раздаётся с другой ее стороны. Обернувшись ко мне со своей улыбкой и ямочками, Ганс распахнул дверь, и на нас обрушился поток радостного шума.

Мы вышли в зал собора слева от сцены как раз когда «Love Like Winter» заканчивали первую песню. Толпа оглушила меня своими восторгами, и я направилась к бару. Если уж мне придется целый час стоять рядом с Гансом Оппенгеймером в этом море шевелящихся тел, пота и одиночества, мне, на фиг, нужно выпить.

Чего-то крепкого.

Я заказала два виски с колой, раздраженно приподняв свой браслет, как будто мне совершенно очевидно было не семнадцать. Когда я уже протягивала карточку для оплаты, подлетевший Ганс шлепнул на стойку двадцатку. По хорошему, мне надо было отказаться или хотя бы предложить вернуть ему деньги. В конце концов, он и так весь день платил за нас обоих, но я была совсем на мели. Я не работала со времени аварии и жила на то, что умудрилась сохранить из своих выигрышей на гонках.

«Спасибо», – беззвучно сказала я, присоединяясь к Гансу у края толпы. Шум был слишком сильным, чтобы пытаться разговаривать.

Старые деревянные полы тряслись и дрожали у нас под ногами, потому что на них подпрыгивали вокруг нас сотни человеческих тел. Улыбнувшись, Ганс протянул мне коричневый напиток с шапкой пены.

«На здоровье», – ответил он.

«Что? – сказала я, только чтобы что-то сказать. – Я тебя не слышу».

Ганс улыбнулся моей бестолковости и поднес руки ко рту. «На-а-а-а здо-о-о-ро-о-о-о-овье», – прокричал он, выделяя каждую букву.

Нахмутив брови, я пожала плечами. Потом помахала рукой туда-сюда между своим ухом и группой на сцене. «Слишком громко. Скажи еще раз». Отхлебнув свой напиток, чтобы спрятать дурацкую девчачью улыбку, я захлопала ресницами в сторону Ганса.

Но Ганс больше не стал говорить «на здоровье». Он все смотрел и смотрел на меня, а потом вдруг сказал: «Ты такая красивая».

Прямо вслух, громко.

Своим обычным голосом.

Я застыла. Прямо со стаканом у рта. У меня на языке лопались сладкие пузыри. Сладкие пузыри мелькали у меня перед глазами.

Сладкие пузыри взрывались у меня между ног.

Я сглотнула. Моргнула. Моргнула снова.

Ганс сглотнул. Моргнул. Свел брови.

«Черт. Я слишком все усложняю».

С пылающими щеками я выдавила из себя что-то типа «спасибо». Потом отвернулась к сцене и отхлебнула, стараясь скрыть свое оцепенение.

«Скажи ему, что он тоже красивый!»

«Ни за что! Мальчикам не говорят, что они красивые!»

«Скажи, что он похож на Джареда Лето из “Моей так называемой жизни”!»

«Да никто с членом в жизни не видел это кино, тупица!»

«Скажи...»

Но внутреннее замешательство было внезапно прервано появлением мозолистой руки под моим подбородком. Ганс ласково повернул мое лицо вверх и влево, заставляя меня поглядеть на него. Под испытующим взглядом его серьезных глаз я попыталась обратить свою напряженную гримасу в улыбку. Его выражение было таким искренним, что у меня заныло в груди.

Он склонился к моему уху, пальцы под моим подбородком скользнули вниз, по одной стороне шеи, и он сказал, перекрывая все вопли, музыку и гормоны, клубящиеся вокруг нас: «Ты – самое красивое, что я когда-либо видел».

Сморгнув набежавшие слезы, я потерлась своей покрасневшей щекой об его колючую. Я вдохнула его запах, ткнулась носом в мочку его уха и ответила:

«Извини. Я ничего не слышу. Повтори еще раз?»

Рассмеявшись, Ганс прижал меня к себе, и я простояла так целый час, раскачиваясь, подпевая и поглощая свое питье в полном счастливом забытьи.

Когда последняя песня была спета и в зале зажегся свет, мы с Гансом, взявшись за руки, выбежали через пожарный выход на улицу. Ночной воздух был жарким и влажным, точно как мы. Мы пошли через Юбилейный Парк, который я никогда не видела ночью, и Ганс отдал свою последнюю сигарету бездомному, который попросил закурить.

Когда мы разыскали БМВ на стоянке у стадиона, я уже начала оплакивать в душе то, что, возможно, было самым лучшим днем в моей жизни. Я ехала к дому Стивена с открытым верхом и кондиционером на полную мощность, четко соблюдая ограничение скорости и не превышая его ни на километр. Ничто не должно было испортить мой идеальный день.

Ну, или я так думала, пока не зазвонил телефон Ганса.

Он звонил.

И звонил.

Всякий раз, как он начинал звонить, Ганс тут же сбрасывал звонок и засовывал телефон обратно в карман. После третьего звонка Ганс включил музыку. Машина наполнилась тяжелыми, тягучими басами.

– Тебе нравится?

Он пытался меня отвлечь. Но мой мозг был очень сосредоточенным. А эти попытки отвлечь я игнорировала.

– Разве тебе не надо ответить? – спросила я, наблюдая за Гансом краешком глаза.

Открыв бардачок, Ганс вытащил новую пачку «нюпорта». Постучав пальцами по крышке коробки, он сказал: «Нет».

«Нет». И все. Никаких объяснений. Никаких смешков, что это Трип набирает его по пьяни, или раздражения, что мама пристаёт со своим беспокойством. Ганс, эта открытая книга эмоций, явно пытался что-то скрыть от меня.

– А что, если это срочно? – спросила я.

– Не срочно, – Ганс содрал с коробки прозрачную пленку и бросил ее на пол, добавив к остальному собравшемуся там мусору.

– Но что, если все же срочно?

Ганс сунул в зубы сигарету и пожал плечами.

– Ну тогда они позвонят кому-нибудь еще.

«Они». Так гендерно-нейтрально. Ганс не хочет, чтобы я поняла, что это девушка.

Я ничего не спрашивала у него про подружку, потому что, если честно, мне хотелось думать, что ее вообще не существует. Но все равно она была, словно заряженный пистолет у Ганса в кармане.

Я чувствовала себя хуже не придумаешь. Я же тоже была девушкой в поисках своего парня. Ждущей у телефона. Засыпающей в слезах, пока он там шляется, пил, веселился и трахал кого-то еще. Я взглянула на номер телефона Ганса на своей руке и испытала новый приступ вины. А с ней он тоже так делал? Писал свой номер у нее на руке? Чтобы она почувствовала себя особенной?

Я взяла без спроса сигарету из пачки Ганса, лежащей на центральной консоли, и закурила, наслаждаясь ментоловым дымом в последний раз, прежде чем расстаться. Я была бедной. Я недавно пережила расставание. Но я справлюсь. Мне не надо красть парня у другой девушки, чтобы исцелиться. Я же не была чертовой Энджел Альварез.

Но зато я была гораздо пьянее, чем думала. От ментола алкоголь во мне вскипел и дошел почти до края. Подъезжая к дому Стивена, я с трудом могла смотреть перед собой. Голова кружилась, в желудке урчало. Стиснув зубы и сглатывая

горькую слюну, я боролась с тошнотой, пока не встала на обочине рядом со своим «мустангом». Я подняла ручник, распахнула дверцу БМВ и заблевала весь тротуар.

Наверное, пить наравне с парнем, который был почти на полметра выше и вдвое тяжелее меня, было все же не такой уж хорошей идеей.

8

Через неделю

– Ну ты же не всерьез тут паркуешься, – Джульет нажала на кнопку блокировки замка, как раз когда я выключила мотор и фары.

– Что? Да тут идти-то всего ничего. И бесплатно.

Джульет уставилась на меня.

– Офигеть. То есть у тебя еще и нет денег для всех этих попрошаек и насильников.

Я замахнулась на нее, нарочно промахиваясь.

– Никто не собирается нас насиловать! – я указала вперед, на прислонившуюся к одному из домов фигуру, освещенную уличным фонарем. – А если дать Старику Вилли пару сигарет, он присмотрит за нашей машиной и проследит, чтобы мы спокойно прошли по улице.

Нарисованные брови Джульет поползли вверх, а из груди вырвался сдавленный смешок.

– Пожалуйста, скажи, что ты, на хрен, шутишь.

– Да что такое? Все же отлично.

Смех Джульет перешел в кашель.

- Да как ты до сих пор жива? Вот честно, не понимаю.

Я снова замахнулась, на сей раз хлопнув ее по руке.

- Неважно. Можно подумать, у тебя вышло лучше.

Я вовремя прикусила язык, чтобы не добавить «Мамочка» к концу своей фразы. Джульет просто ненавидела, когда мы с Девой-Готом так ее называли.

Джульет приподняла рукав свитера, лежащего у нее на коленях, вытащила горлышко спрятанной под ним винной бутылки и отвинтила крышечку.

- Кстати, о плохих решениях.

- Фу! Вино! Это все, что тебе удалось достать? - наморщила я нос.

- Ну, прости. Может, если бы твой двадцатидвухлетний приятель не отправился обратно в тюрьму, мы бы сейчас пили перье!

- «Дом Периньон», - рассмеялась я. - А перье - это вода, дурочка.

«И, между прочим, двадцатипятилетний папочка твоего ребенка отправился за решетку еще раньше».

Джульет была сучкой, но она была моей сучкой. Мы с ней уже пять лет были лучшими подругами, несмотря на нашу полную противоположность. Джульет была мрачной, интровертной и жесткой, а я - легкой, экстравертной и наивной. Она была темнокожей; у меня были веснушки. У нее были длинные косички; у меня - короткая светлая стрижка. Но нас объединяла любовь к подводке для глаз, сигаретам, выпивке и парням. Джульет любила все это даже больше меня, и поэтому в семнадцать лет у нее уже был годовалый ребенок.

Джульет снова отхлебнула из обернутой свитером бутылки и протянула ее мне.

– Не могу поверить, что дала затащить себя на концерт хеви-металл. Наверное, я правда хорошо к тебе отношусь.

Я сделала пару глотков кислой жижи цвета мочи, сморщилась и вернула бутылку Джульет.

– Ну или тебе надо было передохнуть от Ромео.

– Ну да, это тоже, – рассмеялась Джульет. – Теперь, когда мелкий засранец пошел, он всюду сует свой нос, – после чего залпом опрокинула примерно четверть бутылки.

– Блин, чуть не забыла, – сказала я, поворачиваясь и доставая с заднего сиденья футболку. – Ганс сказал, чтобы я надела вот это.

Развернув майку, я повертела ее перед собой. Она была черной, с белым логотипом «Фантомной Конечности» спереди.

– Фу, да она будет на тебе как палатка, – сказала Джульет, с отвращением кривя губы. – Дай сюда. Сейчас сделаем, – она выхватила у меня майку и стала рыться в своей безразмерной сумке, пока не вынырнула с детскими ножничками для ногтей. – Ага!

И Джульет принялась за работу. Отрезая подол майки самыми крошечными в мире ножницами, она спросила:

– Разве это не дикий отстой – приходить на концерт в майке с группой, которая там играет?

Рассмеявшись, я отхлебнула еще глоток этой кислятины.

– Точно. Я тоже всегда так думала. Но, когда мы с Гансом прощались в прошлое воскресенье, он откопал эту майку у себя в багажнике и сказал, чтобы я надела ее.

Пожав плечами, я продолжила пить, пытаюсь унять тучу наглых, ярких, разросшихся бабочек-качков, которые начинали порхать во мне всякий раз,

когда я думала о Гансе. О его глазах джинсового цвета, которые всегда казались подведенными. О ямочках на щеках и тихих улыбках. О его руках на моих плечах и его подбородке у меня на затылке.

– Да он просто, на хрен, тебя пометил, Биби. Как пещерный человек. Он хочет, чтобы все видели тебя в этой майке и знали, что ты его.

– Ни фига я не его, – фыркнула я. – У него есть Бет, – закатив глаза, я закашлялась. Выпивка начала меня забирать.

– Да на хрен эту Бет. Ну, и где она? – оглянулась Джульет по сторонам на покосившиеся домики и разбитые фонари вокруг нас. – Что-то я не вижу этой сучки. И сам Ганс ни хрена ее не видел в те выходные, потому что все время был с тобой. Он даже заботился о тебе, когда ты блевала! Так делают только свои парни, Би.

Я отпила еще один кислый глоток, и меня снова охватила неловкость от того вечера. Я внезапно перенеслась туда в своем воображении и снова глядела в лужу рвоты на тротуаре. Мне хотелось забраться под БМВ Ганса и сдохнуть. Я прокрутила перед собой цепь событий – по крайней мере, тех, что могла вспомнить. Как Ганс поднял меня и понес, прижимая к груди, к двери Стивена. Как Стивен впустил нас и раздраженно указал на ванную. Как Косички нарезала дорожки кокса на стеклянном столике Стивена. «А где Дева-Гот? Они что, поссорились, как Ганс и говорил?» Как Ганс гладил меня по спине, пока я обнималась с унитазом, как принес мне телефон, чтобы я позвонила своим взволнованным родителям и сказала, что снова останусь у Виктории. Как Ганс принес мне большой стакан воды и маленький стаканчик полоскания для рта. Как Ганс развязывал мои ботинки, стягивал штаны из кожзама и укладывал меня в узкую кровать Мэдди. Как Ганс свернулся на матрасе возле меня, у меня за спиной, и сонно, тихо дышал мне в шею.

И его эрекцию у себя пониже спины рано утром.

– А почему он тогда ко мне не приставал? – надулась я, собираясь опрокинуть бутылку и закончить ее. Но Джульет выхватила ее из моей жалкой, тоскующей по парню руки.

Пожав плечами, Джульет прикончила остатки вина.

- Поди да узнай. Ну, в смысле, если нас по пути тут не прикончат.

Я рассмеялась ее шутке. От выпитого вина она казалась особенно смешной. Джульет сунула мне майку прямо в лицо. Я стянула свой топик и натянула ее через голову, стараясь не разрушить свою шикарную прилизанную укладку, над которой я билась больше часа, стараясь придать ей небрежный вид. Джульет была права; майка была мне слишком велика, но она обрезала ее нижнюю часть, почти до самого лого, и увеличила вырез, так что он теперь свисал с одного плеча. Я закатала рукава и кивнула. Сойдет.

Добрый Старый Вилли держал слово, так что за две сигареты мы с Джульет добрались до кассы «Маскарада» без приключений.

Всем, кроме местных обитателей, «Маскарад» показался бы ни чем иным, как старой, заброшенной фабрикой по производству щепы. Но это был рай для любителей альтернативного рока. Ну технически это были Рай, Чистилище и Ад, потому что именно так ласково назывались три внутренние части здания.

Ад был родным домом для любителей техно, фетиш-вечеринок и ночей в духе восьмидесятых. Чистилищем назывался бар на втором этаже, а наверху, на третьем, там, где была живая музыка, был Рай. Очень подходяще, с учетом того, что именно там я должна была снова встретиться с Гансом.

Едва я коснулась ногой верхней ступени, пол задрожал от басов. Я не узнала песню, но что-то во мне узнало ее источник. Мы с Джульет шагнули с площадки лестницы в темное, прокуренное, удушливое пространство Рая. Толпа была больше, чем я ожидала увидеть на вечере только для своих. Она заполняла все помещение размером с ангар.

Скользнув глазами по толпе, я подняла их на сцену, и на какое-то мгновение для меня перестал существовать весь мир. Я видела только Ганса. Не то чтобы он пытался привлечь к себе внимание. На нем не было ни майки в сетку, ни виниловых штанов, ни кожаных перчаток с клепками, никакой такой сценической ерунды, которой щеголяли его товарищи. Он даже не смотрел в зал. Но в нем было что-то такое, что просто сияло.

Может быть, все дело было в контрасте. У Ганса были темные и суровые черты, но душа его была легкой и светлой. Одна рука была вся покрыта черно-серыми татуировками; другая была в черной ткани. Низко сидящие, свободные штаны были черными, а узкая алкоголичка, туго обтягивающая грудь, белой. Блин, да даже его «адидасы» были черно-белыми.

Но его бас-гитара? Она была красной, красной, красной.

Ганс не увидел меня, когда я вошла, но Трип заметил. Он указал на нас из-за микрофона прямо перед тем, как прорычать начальные строки одной из собственных песен «Фантомной Конечности». Вся толпа тут же повернулась в нашу сторону, и Ганс посмотрел туда же, то есть на меня.

И улыбнулся.

– Блин, Би. Это он? – спросила Джульет, перебивая музыку.

– Угу, – замороженно ответила я.

– Басист?

– Угу.

– Вон тот засранец, похожий на Джаредда Лето с татуировками?

Сглотнув, я кивнула, ни на секунду не отводя от него глаз.

– Детка, мне насрать, даже если он женат. Ты просто обязана его получить.

Джульет схватила меня за руку и потащила мое налитое свинцом тело сквозь толпу, бессовестно ввинтившись в просвет прямо перед самой сценой. Мне было страшно неловко. Почему мне было так неловко? Я уже провела с этим парнем целые выходные. Я спала с ним в одной постели. Дважды. Он видел, как я блюю. Примерно раз тридцать. Но мне почему-то было стыдно. Мне хотелось побежать в бар и выпить несколько рюмок, чтобы усыпить этих безумных бабочек у меня в животе, но черные X на тыльной стороне моих ладоней сделали это невозможным.

Так что я сделала то, что делала всегда, когда стеснялась. Я закурила. И курила. И курила.

Каждый раз, когда Ганс смотрел на меня, я улыбалась, как идиотка. Каждый раз, когда он не смотрел на меня, я дулась. Только на четвертой или пятой песне я вдруг сообразила, что люди вокруг подпевают. У «Фантомной Конечности» были фанаты. Настоящие фанаты.

После шестой или седьмой песни Трип сделал паузу, чтобы поболтать с залом. Должна признать, что для такого плюгавого существа с неудачной стрижкой Трип излучал своего рода странные сексуальные флюиды. Он был харизматичным, страшно уверенным в себе и мог управлять вниманием толпы одним взмахом руки.

Спросив, как все себя чувствуют, Трип заявил, что началась его любимая часть концерта.

– Попрошу всех секси-леди, надевших майки «Фантомной Конечности», выйти к нам на сцену.

Я в смятении поглядела на Ганса, но он только улыбнулся мне и поманил на сцену движением пальцев.

«Меня?»

Поглядев на себя, я поняла, что на мне была майка «Фантомной Конечности». Я совершенно забыла.

Хитрый поганец.

Джульет подтолкнула меня в сторону сцены, и я, вместе с еще примерно десятком девушек, поднялась туда на чистом автопилоте.

Поймав восторженный взгляд Ганса, я без слов произнесла: «Какого хрена?», пока Трип выстраивал нас в линейку перед барабанной стойкой.

«Прости, – показал Ганс в ответ, поднося к уху ладонь. – Я тебя не слышу».

Отмахнувшись от него, я заняла место в линейке прямо позади него, изо всех сил сжимая губы, чтобы спрятать девчачью улыбку до ушей. Это было бы совсем не круто.

– Ну, ну, Биби. С этим придется подождать до конца концерта, – напутствовал меня Трип, вызвав смех в толпе. – Ну, люди, вы знаете правила. Фантомная девушка с самым высоким канканом сможет поцеловать любого члена группы, которого захочет.

«Чего?»

Клянусь, я уверена, что увидела, как Ганс покраснел. Группа снова взяла свои инструменты и начала играть хард-рок-версию французского канкана. Как по сигналу, девушки по обеим сторонам от меня закинули руки мне на плечи и начали вскидывать коленки высоко в воздух.

«Правое колено, выпад направо. Левое колено, выпад налево».

Я уловила ритм и уже собралась было вскинуть свой тяжеленный бойцовский ботинок в воздух, как вдруг вспомнила, что на мне юбка – короткая юбка в красно-черную клетку, застегнутая английскими булавками. Я никогда не носила ничего подобного, но мне хотелось нарядиться для Ганса. Если я буду плясать чертов канкан, весь зал сможет увидеть мои трусы. Если я не буду плясать канкан, я разочарую Ганса, который специально попросил меня надеть эту майку, чтобы я смогла станцевать чертов канкан на чертовой сцене.

– В чем дело, Биби? Ты сегодня голышом? – поддел меня Трип. – Ну, давай, покажи нам киску, – повернувшись к залу, он начал скандировать: – Покажи... нам... киску! Покажи... нам... киску!

Я уже и так собиралась показать им киску, пока Трип не сделал из этого целое шоу. Теперь же я не могла пойти у него на поводу. Расхрабрившись от всего направленного на меня внимания, разъяренная тем, что мне указывали, что делать, ведомая желанием выглядеть крутой в глазах Ганса и подбадриваемая Джульет, которая смотрела на Трипа так, словно хотела придушить его шнуром от микрофона, я повернулась задом, задрала юбку и показала всем свою голую

задницу.

Ну, ладно, не совсем голую. На мне были мои любимые трусики-танга в леопардовую расцветку. Ну на всякий случай, вдруг Ганс решит напасть на меня за кулисами. Девушка должна быть готова ко всему.

Я через плечо обернулась на Ганса и от восторженного выражения на его лице почувствовала себя победительницей. Он стоял, стиснув челюсти, и механически наигрывал канкан на своем басу, а толпа перед ним визжала, свистела и вопила.

Опустив юбку, я снова повернулась и увидела Трипа перед собой на коленях, склонившимся в поклоне, как в кино. Рассмеявшись, я подняла его, потянув вверх, а остальные девушки, поняв свое поражение, перестали танцевать.

– Леди и джентльмены! – заорал Трип в микрофон, подводя меня за руку к краю сцены. – Это «Фантомная конечность» номер один. Наш победитель соревнования по канкану, не сделавший ни одного выпада. И я короную... – Трип поднял мою руку над головой и крутанул меня так, что я снова оказалась лицом к заднику сцены, – булки Биби!

Я посмотрела на Ганса. Он улыбался, как будто сам выиграл состязание. Ну и некоторым образом так оно и было.

– О, черт! Вы видите? Похоже, наша чемпионка уже выбрала свое зелье! ГДЧ, старик, ты готов?

Ганс повернул гитару так, что она оказалась у него за спиной, и раскинул руки в безмолвном приглашении. Внешне он был спокоен, крут и собран, но я заметила, как дернулось его горло, когда я пошла в его сторону. Как его язык нервно пробежал по губам. Как забился пульс на шее – так же резко и часто, как мой собственный.

Ганс тоже хотел меня поцеловать.

– Нет-нет-нет, – сказал Трип в микрофон, как раз когда руки Ганса легли мне на бедра, а мои обхватили его за шею. – Я не сказал, что выиграла Биби. Я сказал – выиграла булки Биби.

«Блин, да ты, на хрен, издеваешься надо мной, что ли».

Ганс прижался лбом к моему лбу, и толпа просто обезумела. Глубоко вздохнув, он, извиняясь, пожал плечами, а потом развернул меня, держа руками за бедра. Я оказалась лицом к Трипу, который хохотал до упаду, пока руки Ганса скользили вниз по моему телу. Несмотря на влажный, жаркий воздух, я задрожала. Коснувшись моих запястий, руки Ганса исчезли, а потом снова появились возле моих коленок, чуть выше края ботинок. Затаив дыхание, я смотрела на Трипа, стараясь не показать ему, как меня волнуют прикосновения Ганса. Кончики его пальцев слегка скользнули по моим ногам выше колен, по бедрам. Когда эти большие, мозолистые ладони исчезли у меня под юбкой, подняв клетчатую ткань, стало так тихо, что можно было услышать падение булавки. Мои трусики промокли насквозь. Щеки пылали. А сердце совершенно остановилось, едва я ощутила, как моей обнаженной задницы коснулся горячий воздух. В ужасе зажмурившись, я затаила дыхание, а чертов Ганс Оппенгеймер прижал свои прекрасные пухлые губы к правой половине моей жопы.

А потом к левой.

Едва моя задница снова была закрыта, а Ганс поднялся на ноги, толпа взорвалась в истерике, а мое лицо разбилось во взрыве сверхновой улыбки.

Ганс обхватил меня сзади и прошептал на ухо:

– Прости. Я потом надеру ему жопу за тебя.

Хихикнув, я хотела сказать ему, что совсем не против его губ на любой своей части тела, но из динамиков раздался голос Трипа:

– Ну, и каково это, когда рок-звезда целует тебя в задницу?

Мы с Гансом одновременно замахали на него, но тут Луис, барабанщик, с которым я познакомилась на шоу грузовиков, три раза нажал на свою педаль и постучал в воздухе палочками. Парни немедленно среагировали, похватали свои инструменты и начали играть следующую песню.

Я окинула Ганса последним жаждущим взглядом и поспешила утащить свою жопу со сцены, пока Трип не придумал новых издевательств. По пути, пробираясь к Джульет, я получила кучу одобрительных хлопков в ладоши и неприятных щипков за жопу. Джульет улыбалась шире, чем я когда-либо видела, и вырвала меня из лап какого-то жирного придурка со сбритыми висками и хвостиком.

– Ни хрена себе, как это было круто! – заорала она мне на ухо. – Не могу поверить, что видела все своими глазами! Мне надо чаще выходить из чертова дома!

Я надула губы.

– Но мне так и не удалось его поцеловать!

Голос Трипа отразился от пола у нас под ногами, когда он, подскочив к микрофону, взревел о том, что хочет трахать кого-то, как зверь.

Джульет, поглядев на него, спросила:

– Какого хрена он такой секси?

– Скажи? – хохотнула я.

Трип, должно быть, понял, что мы говорим о нем, потому что, указав прямо на Джульет, зашипел, что хочет почувствовать ее изнутри.

Она закатила глаза, а я, рассмеявшись, толкнула ее локтем в бок. Она пыталась сохранить суровость, но я видела, что сквозь ее суровую гримасу вот-вот прорвется улыбка. Джульет ловила кайф чуть ли не в первый раз с тех пор, как залетела.

Я обернулась на Ганса, готовая заняться с ним сексом глазами, но выражение его лица словно окунуло мое либидо в ледяную воду. Сжав челюсти, прищутив глаза, словно щелочки, он смотрел совсем не на меня. Он смотрел на кого-то позади меня.

Просто пялился.

Обернувшись, я увидела причину его внезапной ярости – того придурка с выбритыми висками, который хватал меня. Я-то про него и думать забыла. Я достаточно побывала на разных концертах и в клубах, чтобы понимать, чего можно ожидать. Парни лапают девчонок, хотят они того или нет. Подходят сзади и прижимаются своим вялым стояком к твоей заднице. Хватают за руку и орут в ухо пивным перегаром. Прутся за тобой в туалет и зажимают в углу, как только ты оторвешься от подружек. Так уж заведено.

Едва закончилась песня, Ганс отключил свой бас и сошел со сцены, хотя Трип объявил, что они сыграют еще один джем. Очевидно, это был хит, потому что, едва он произнес: «Вознесение», толпа очумела. Ганс вернулся как раз вовремя, чтобы выдать на своем басу низкое, грозное рычание, к которому остальные музыканты присоединились своими лязгающими индустриальными звуками. Я была в восторге. Я просто обожала все это. Это было тяжелее, чем то, что я обычно слушала, но все равно прекрасно и одновременно очень захватывающе. Я была так увлечена, что даже не заметила, как вышибала в форме схватил Бритые виски за плечо и вывел его. Я увидела это, только когда они уже выходили через пожарный выход справа от сцены.

Я тут же повернулась к Гансу, который снова смотрел на меня. На его губах играла тень улыбки. А потом он мне подмигнул.

У меня в животе зародилось потрескивающее тепло, которое быстро разбежалось по всему телу, как лесной пожар.

Ганс не использовал свои кулаки, ботинки или бейсбольную биту, как сделал бы Рыцарь. И уж точно он не стал бы выхватывать пистолет, как Харли. Но Ганс защитил меня. По-своему.

И это нравилось мне гораздо больше.

После концерта мы с Джульет сидели на ржавой пожарной лестнице позади здания, курили и смотрели, как группа грузит аппаратуру в багажник фургона отца Бейкера. Бейкер – невысокий гитарист «Фантомной», который все время прятался за копной светлых волос, как у Курта Кобейна – был самым милым и,

возможно, самым главным членом группы. Он водил фургон. Он договаривался про концерты. Он играл на гитаре. И, что самое главное, он был единственным, кому уже было достаточно лет, чтобы покупать пиво.

Когда все было погружено, Бейкер вытащил с пассажирского сиденья бело-синий пластиковый дорожный холодильник и открыл крышку.

– «High Life»? – сморщился Трип, заглянув внутрь. – Сукин сын, ты же знаешь, что я не пью долбаный «High Life» от Miller. А где «Korbel»?

Кроме меня, никто не рассмеялся.

Трип кивнул мне.

– Вот Биби понимает, о чем я. Мы с ней все из себя разборчивые. Где мое пойло, братан?

Бейкер, приглядевшись сквозь щелку в занавесе своих волос, выловил банку из ледяной воды.

– Оно все на дне, засранец, – пробубнил он. – Давай, лови.

Я решила, что Бейкер мне нравится.

Он понравился мне еще больше, когда протянул банку Джульет.

Ганс, подошедший следующим, выловил пару банок для нас. Когда он подходил к нам с Джульет, я вдруг запаниковала. Я была в абсолютном раздрае. Я не знала, что ему сказать. Как себя вести. Что говорить. Я обнималась с этим парнем все выходные. Я позволила ему публично лапать меня и буквально целовать в жопу. Но какие у нас отношения? Мы друзья? Даже если мы были больше, чем друзья, не должна ли я притвориться, что это не так, потому что у него есть девушка? Хотя Трип, кажется, полностью положил на нее, когда велел Гансу засунуть голову мне под юбку. Может, Трип ее просто не любит? Эта мысль вселила в меня надежду.

– Эй, – сказал Ганс, робко улыбаясь мне.

– Э-э-э-эй, – ответила я с дурацким напевом в голосе, о чем тут же пожалела. – Одна из них мне? – кивнула я на банку в его левой руке.

– Ага, – блеснул глазами Ганс. И спрятал за спину банку, на которую я смотрела. – Но ты должна будешь сама взять ее.

«Ладно. Определенно, мы больше чем друзья».

Как только я встала, Ганс вытянул вбок правую руку, приглашая меня в свои объятия. Мою кровеносную систему тут же переполнило дофамином, так же как у собаки, истекающей слюной при виде пищи. Прошло ровно шесть дней с тех пор, как Ганс кормил мою потребность в ласке, и я умирала от голода.

Будучи не в состоянии больше сдерживаться, изображая крутую, я обхватила талию Ганса обеими руками и прижалась щекой к его груди. Я даже вдохнула запах, идущий от его теплой кожи. Ганс пах рок-н-роллом.

Едва он успел прижать меня к себе и опустить подбородок мне на макушку, позади нас раздался звук, который трудно было с чем-нибудь спутать. Полный холодильник льда опрокинули на асфальт.

Мы с Гансом обернулись и обнаружили, что Трип изящно вытаскивает больше-не-утопленную бутылку шампанского из больше-не-полного холодильника. Целое море кубиков льда и холодной воды разливалось во все стороны, а вырвавшиеся на свободу банки пива раскатывались по потрескавшемуся асфальту.

– Ну, и какого хрена? – спросил Бейкер всего лишь чуть громче, чем обычно.

– Так тебе и надо, козел, – Трип содрал с горлышка фольгу и пульнул пробкой метров на пять в высоту. Из бутылки вырвался вулкан ледяной белой пены. – Ты же знаешь, что я суну руку в ледяную воду только ради члена Леонардо ДиКаприо. Лео из «Титаника». А не ради какого-то дерьмового Лео из «Что ест Гилберт Грейп». – С отвращением поморщившись, Трип наклонил голову набок. – Или это Джонни Депп? Че-е-е-ерт. Ради него я бы залез в снег и по яйца, – и Трип несколько раз взмахнул рукой.

Все, включая Луиса и Бейкера, разразились смехом. Эти двое обычно выглядели так, словно соревнуются, кто из них апатичнее. Смех Ганса был тихим, он словно журчал в его груди под моей щекой. Я почувствовала вибрацию у себя между ног и уже подумала, не обхватить ли его и ногами за талию, чтобы получить хоть какие-то фрикции, но тут Трип отхлебнул шампанское прямо из бутылки и рыгнул так громко, что в машине включилась сигнализация.

Да, на Трипа можно рассчитывать, он мастак изгадить настроение.

Я подняла голову и беззвучно спросила у Ганса:

– А Трип – гей?

Ганс помотал головой.

– Нет! Именно потому он такой потешный.

Я поглядела на Джульет. Она так хохотала, что по ее щекам текли черные слезы.

– Да всем известно, – всхлипывала она, – что самый вдувабельный Лео – в «Ромео и Джульетте».

– Это точно, – подтвердила я, выхватывая у Ганса из-за спины спрятанную банку и вскрывая крышку. – Там все просто как по науке.

Трип хрюкнул и топнул ногой.

– А я хочу, чтобы он рисовал меня, как тех своих француженок.

Я выплюнула на землю свой первый глоток пива. Черт, я так хохотала, что у меня изо рта даже не выходило никаких звуков, только икание. Пока Джульет с Трипом спорили, какой из персонажей Леонардо ДиКаприо больше стоил погружения в ледяную воду, Ганс увлек меня к обломку старой стены примерно в метр высоты, стоящему поодаль. Я собралась отдать ему свое пиво, откинуть сумку за спину и разбежаться, чтобы вскочить на стену, но Ганс все сделал за меня. В одну секунду его руки обхватили мою талию, и раз – я уже сижу на

стене, болтая ногами.

Ганс с легкостью подскочил и уселся рядом со мной. Кажется, он даже пиво из рук не выпускал. Для такого высоченного парня он был на удивление ловким. И ласковым. И забавным.

– Значит, – сказал он, пихая меня плечом, – Ромео – самый вдувабельный Лео, да?

Мое сердце пропустило удар при слове «вдуть», вышедшем из его рта. А потом пропустило еще три, когда я сообразила, что, может, он немного ревнует.

Я ухмыльнулась и закатила глаза.

– Ды-а. Ну, в смысле, это же Ромео. Он буквально готов умереть за меня.

– Значит, это твой тип? Парень, который готов умереть за тебя?

Лицо Ганса все еще было игривым, но в его тоне промелькнула нотка серьезности, которую я не смогла уловить как следует. Конечно же, он не намекал, что готов умереть за меня. Ну, в смысле, мы только что познакомились. Может, он имел в виду кого-то другого? Типа, бывшего.

«Рыцарь бы умер за тебя».

«Подсознание, ну и какого хрена? Ты собираешься вспоминать о нем прямо сейчас? Вот правда?»

«Прости. Неправо. Хотя он бы умер за тебя».

«Ага, и почти убил меня, стараясь это доказать, так что... Что ты хочешь сказать?»

«Ничего. Совсем ничего. Я вообще затыкаюсь. Наслаждайся вечером».

«Да блин. Ганс на меня смотрит. Тупица, быстро скажи что-нибудь».

– Не-ет, – я снова закатила глаза. – Мой тип – это парни с тату, которые умерли бы за меня. У меня есть свои стандарты, ясно?

– Да, – Ганс ухмыльнулся и отхлебнул пива, не отрывая от меня взгляда. – Хотя ты не права.

– Насчет чего? Насчет своего типа?

– Нет, насчет того, что Ромео – самый вдувабельный Лео. Ты не права.

«Он снова это сказал!»

Я подождала, чтобы мое сердце снова вернулось к жизни, прежде чем проглотить наживку.

– Не говори мне, что ты тоже в команде Джека. Смотри, я понимаю. В «Титанике» он просто прелесть, и да, технически, конечно, он таки умер ради Роз, но мы же оба понимаем, что дверь была достаточного размера для двоих.

Маленький рот Ганса расплылся в улыбке с ямочками.

«Черт».

Он весь был – белые зубы, и черные ресницы, и торчащие черные волосы, и при этом я должна была сдерживать желание лизнуть его кожу, чтобы почувствовать, насколько она соленая.

Ганс, смеясь, поднял руку.

– Ладно. Даже не буду начинать про эту чертову дверь. Нет, не Джек. Джим Кэрролл, из «Дневника баскетболиста». Самый вдувабельный Лео из всех.

Откинув голову, я заверещала.

– Господи боже! Я совсем забыла про этот фильм! Рок-звезда и наркоман! Кто бы говорил! Идеально!

– Что? – переспросил Ганс, пожимая плечом: – Тебя совсем не тянет к музыкантам?

Его взгляд был слишком настойчивым. Вопрос – слишком уж прямым. Я отвела глаза и начала копаться в сумке, стараясь отыскать сигареты и ответ на его вопрос получше, чем «ну да, бывает».

Засунув в зубы сигарету и частично восстановив спокойствие, я снова поглядела на Ганса.

– Только к тем музыкантам, у которых есть тату и которые умрут за меня, – пошутила я.

«О-о-о. Отлично сказала».

Ганс улыбнулся и вытащил из кармана черную зажигалку. Когда он щелкнул ею, между нами вспыхнул крошечный язычок пламени. Я наклонилась к нему, отметив, как мерцающий свет смягчает суровые черты Ганса. Он тоже наклонился. Он смотрел на мои губы. Его язык облизнул нижнюю губу. По моему телу пронеслась волна адреналина. Легкие наполнились горячим дымом. И тут Ганс отстранился.

Убирая зажигалку обратно в карман, он сказал:

– С этим я справлюсь.

Выпуская струю дыма и пытаюсь осознать, что за херню он только что сказал, я вдруг бросила взгляд на его часы на широком черном ремешке, которые блеснули в свете фонаря.

– Черт, – схватив Ганса за запястье, я повернула часы к себе. – Я должна быть дома в полночь, а еще надо по пути забросить Джульет. Мне пора бежать.

Лицо Ганса вытянулось, но он понимающе кивнул. Спрыгнув со стены, он повернулся и оказался между моих ног. Второй раз за двадцать минут мне пришлось подавить в себе желание обхватить ногами его талию. Положив свои ручки мне на бедра, Ганс захлопал на меня своими длинными черными

ресницами. Мои трусики окончательно пропали.

- Хочешь, чтобы я проводил тебя до машины?

«Нет. Я хочу, чтоб ты наклонился на несколько сантиметров вперед и, на фиг, поцеловал меня уже. Я хочу, чтобы ты снова задрал мне юбку и прижал меня к этой стене. Я хочу, чтобы ты снова сказал мне, что я красивая, и уже отвез меня в Лас-Вегас и женился бы на мне».

- Не-а, - сказала я, поднимая сигарету повыше, чтобы дым не попадал нам в глаза. - Меня там прикроет Старый Вилли на углу. Все нормально.

Темные брови Ганса взлетели вверх.

- Ты же шутишь, правда?

- Почему вы все это говорите?

Ганс легко поднял меня за талию и поставил на землю. Как только мои ноги коснулись земли, сердце пронзила острая боль. Вечер закончился.

Мы с Гансом отыскивали Джульет, которая, допивая третью банку пива, весело болтала с Трипом. Он изображал лунную походку, поставив себе на лоб пустую бутылку из-под шампанского. Этот парень не мог не играть. Прежде чем мы успели уволочь Джульет, Бейкер, Луис и Трип подошли и обнялись с ней на прощание.

Джульет - не про обнимашки.

Джульет - не про людей вообще.

Но Джульет оказалась полна сюрпризов. Она не только обнялась со всеми парнями, она еще обхватила Трипа рукой за шею и громко, смачно чмокнула его в щеку. И прошептала ему на ухо что-то неразборчивое.

Повернувшись к Гансу, я шепнула ему, хихикая:

- Тебе не кажется, что она сказала: «Пони, будь золотым»?

Хохотнув, Ганс прижал меня к себе.

- Очень на это надеюсь. Он чем-то похож на пони Ральфа.

Я поглядела на всю четверку, переполненная радостью. Они приняли мою стервозную, злобную лучшую подругу и превратили ее в кого-то счастливого. В кого-то, кто не ненавидел весь мир. В кого-то, кто цитировал «Аутсайдеров».

Мы втроем, взявшись за руки, обошли здание и пошли по улице, а огни «Маскарада» медленно гасли у нас за спиной. Вершина холма тонула во тьме. Справа от меня покачивалась и спотыкалась Джульет. Но Ганс слева был надежен, как скала.

Джульет поглядела на Ганса и пробормотала:

- Мне понравился ваш концерт. Вы правда отлично играли, но в следующий раз сыграйте мне песню про битые тыквы, ладно? Это моя любимая. Я почти уверена, что Джеймс Ихо – мой брат.

- Ее фамилия – Ихо, и ее папа – японец, – объяснила я.

- Вы с ним даже чем-то похожи, – сказал Ганс, стараясь быть вежливым.

- Это расизм, – выпалила Джульет, трясая в воздухе пальцем. А потом расхохоталась.

- Господи, – хихикнула я, – ну ты и набралась.

- Извини, Ганси, – надулась Джульет. – Ты не расист. Ты милый и хороший, и Биби страшно хочет присесть на твое хорошенькое личико.

Застонав, я уткнулась лбом Гансу в плечо.

- Господи. Просто помолчи.

– Спасибо, Джулс, – хохотнул Ганс.

Когда мы добрались до вершины холма, Старый Вилли выскочил из-за угла и притащился к нам, хромя сильнее, чем обычно.

Он оглядел Ганса с головы до ног и обратился ко мне.

– Мисс, я видел, как кто-то рыскал вокруг вашей машины. Такой здоровый парень, он ездит на грузовике со здоровенными шинами. Он приехал вон оттуда, – Вилли указал в сторону большой улицы. – И, мне кажется, просто заметил вашу машину, потому что развернулся прямо посреди дороги и понесся во-он туда, – Вилли указал в сторону боковой улицы, на которой стояла моя машина. – И проехал мимо, очень медленно, а потом встал вон там и погасил фары, словно собрался дожидаться вас там.

У меня вся кровь застыла в жилах.

Рука Ганса напряглась у меня на плече.

– Вилли, ты-то в порядке? – спросила я, преодолевая удушливый ком в горле. – Ты не пытался...

– Я-то нормально, мисс. Я пошел, встал прямо возле вашей машины и смотрел на сукина сына, пока он не отвалил. Но вы должны быть осторожнее. У того парня глаза, как у чертова демона. Как он уехал, я раз десять помолился Святой Марии.

«Как у зомби», – подумала я, представляя почти бесцветные глаза и ресницы Рональда МакНайта.

– Спасибо, мужик, – сказал Ганс, хлопая Старого Вилли по плечу и сунув ему в руку несколько долларовых бумажек.

– Вам спасибо, сэр. Благослови вас Бог.

Мы, как зачарованные, подошли к моей машине. Рыцарь должен быть в Ираке. После аварии он написал мне письмо, в котором признался, что это он ее

устроил и что он записался на второй срок. А теперь, спустя два месяца, он рыскает вокруг моей машины? В этом не было никакого смысла.

– Этот засранец хуже герпеса, – выпалила Джульет, подходя к пассажирской дверце. – Что ж он никак не отвалит-то.

– Вы знаете этого парня? – спросил Ганс, вглядываясь в мое лицо. Мы стояли возле моей машины.

– Ага, – я не стала уточнять. У этой ситуации просто не было объяснения, которое не сделало бы ее еще хуже.

«Мы с ним были вместе. Он был моей первой любовью, но мы расстались, потому что он ментально нестабилен и страшно агрессивен. А, ну да, и еще он морской десантник, поэтому профессионально умеет убивать. Но ты не волнуйся. Ничего, что он избил до полусмерти моего бывшего приятеля и чуть не убил меня, сбросив нас с дороги; может быть, больше он так не будет. Может быть, он уже пережил все это».

– Но с тобой все в порядке? – Ганс поднял брови так, что между ними появилась глубокая морщина.

– Ага. Все нормально, – кивнула я.

Ганс неуверенно поглядел на меня, но ему хотелось избежать разговоров про Рыцаря так же сильно, как мне – разговоров про Бет. Вместо этого он сказал:

– Ты позвони мне, как будешь дома, хорошо?

Я снова кивнула.

Ганс обнял меня, но что-то было не так. Что-то было очень, очень не так. Хотя мы касались друг друга, между нами как будто возникла невидимая завеса печали, отделяющая нас друг от друга.

– Спасибо, что пришла, – сказал Ганс, погладив меня по покрытой мурашками руке.

А потом ушел.

9

Я снова почувствовала себя, как в старших классах школы. Все хотели дружить со мной, пока не появлялся Рыцарь. И тут – пуф! – все исчезали.

Рыцарь распугал всех моих друзей, кроме Джульет и Девы-Гота. Он преследовал всех парней, с которыми я хотела встречаться, и избивал до смерти тех, кто не понимал намеков. Он заявлял, что не хочет погубить мое будущее, но не разрешал мне иметь его больше ни с кем.

Мне казалось, что меня душат. Душат, вгоняют в паранойю и дико злят.

Я почти не разговаривала по пути к дому Джульет. Конечно, она все равно так напилась, что болтала за двоих. В основном о том, что Ганс – просто мечта, а Трип – такой смешной, а Рыцарь – просто псих, и если она снова его увидит, то пнет прямо по яйцам.

Высадив ее, я поехала домой в тишине. Без радио. Без музыки. В моем мозгу бился спутанный клубок всяческих вопросов, и какую бы нитку я ни тянула, пытаюсь все распутать, узлы только затягивались еще туже.

«Какого хрена Рыцарь еще в городе?»

«Где, на хрен, подружка Ганса?»

«Почему никто, кроме Девы-Гота, вообще не упоминал о ней, если они вместе уже несколько лет?»

«Дева-Гот же не станет выдумывать несуществующую подружку».

«Может, надо просто спросить у него?»

«Нет. Нет, нет, нет. Тогда он скажет мне, что это правда, и мне придется перестать с ним флиртовать, а этот флирт – вообще, типа, единственное светлое пятно в моей жалкой жизни».

«Может, они расстались, а Дева-Гот об этом не знает?»

«А если они расстались, какого хрена Ганс так до сих пор меня и не поцеловал?»

«Может, я ему не так уж и нравлюсь?»

«А может, он собирался, а тут Рыцарь его спугнул».

«В общем, или у него есть девушка, или я ему не нравлюсь, или он ссыкло. Офигеть».

«Звонить ли ему вообще, когда я приеду домой?»

«Он, наверное, в это время тоже будет ехать домой. Может, включит музыку и не услышит моего звонка. Может, я просто смогу оставить сообщение...»

О да, я смогла бы оставить сообщение, потому что мой звонок сразу переключили на чертов автоответчик. Так что я просто бросила трубку.

Козел.

10

Я легла спать, воя от отчаяния, но проснулась, вереща от счастья, потому что обнаружила у себя не один, а два пропущенных звонка от Ганса, да еще и мигающее сообщение на автоответчике телефона на тумбочке. Сообщение, которое я слушала столько раз, что едва не опоздала на работу. Когда я примчалась в «Пьер Импорт» с завязанным на талии синим фартуком и дурацкой улыбкой во все лицо, я могла повторить всю эту херню наизусть.

«Привет, Биби. Прости, что пропустил твой звонок. Мой чертов телефон сдох, а я с Трипом застрял в каком-то клубе в Бакхеде. Он так заводится на концертах, что его потом не уймешь. Тут посреди танцпола был шест, и Трип не хотел уходить, пока не научился делать на нем движение, которое называется “летучая медная обезьяна”,

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/iston_bibi/rok-zvezda

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)